

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3975.20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

Complete

*Contains Index
1834-1872
21.12 1872*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1873.

ГОДЪ ХІ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“

за 1873 годъ.

	Стр.
О сущности выразительной способности глазъ, <i>Е. В. Ад- мюка</i>	3—34.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и централь- ной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія, <i>А. И. Смирнова</i>	35—112; 221—306; 407—543.
Неаполитанскіе государи въ XIV вѣкѣ. Разсказы изъ итальян- ской исторіи. <i>Н. О.</i>	113—150; 189—220.
Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція; переводъ <i>М. П—скаго</i>	307—328; 345—406.
Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. <i>И. В. Соколовскаго</i>	545—633; 761—820.
О значеніи права войны, въ связи съ общимъ понятіемъ о меж- дународныхъ отношеніяхъ; гл. I—II. <i>Н. П. Иванова</i>	634—710.
О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ рас- тепій, <i>Н. Ѳ. Левковскаго</i>	821—826.
Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты. <i>А. Д. Инозем- цева</i>	827—847; 1007—1032.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. <i>А. Небосклонова</i>	848—868; 951—990.
Къ патологіи поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. <i>Л. Б. Мандельштама</i>	869—924.
Къ вопросу о вліяніи среды на форму растений. <i>Н. Ѳ. Ле- ваковскаго</i>	925—930.
Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. <i>А. М. Осипова</i>	931—950.
Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ восточной Россіи за 1873 годъ. <i>И. Н. Смирнова</i>	991—1006.
<i>Критика:</i> Родственна-ли Меря съ Вогулами; по поводу соч. гг. Корсакова и Уварова; <i>П. Д. Шестакова</i> , 151—187.—Объ опре-	

II

дѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, соч. В. Виноградскаго; *М. А. Ковальскаго*, 329—339.—О радикалахъ въ органической химіи, соч. Г. Глинскаго; *А. М. Зайцева*, 340—343.—Сказанія князя Курбскаго, 3 изд.; *М. П—скаго*, 711—760.—Philosophie des Unbewussten, соч. Гартмана; *Θ Зеленогорскаго*, 1033—1063.

Приложеніе: Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1834—1872 годы включительно; стр. I—XVI.

ВЕНЕЦІЯ И ДУБРОВНИКЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СЪ 998 ДО 1358 ГОДА.

Историческая наука до сихъ поръ еще не сказала своего послѣдняго слова объ отношеніяхъ Венеціи къ Дубровнику до 1358 года. Въ первую половину нынѣшняго столѣтія даже трудно было ожидать болѣе или менѣе безпристрастнаго рѣшенія этаго вопроса: память обѣихъ республикъ была одинаково дорога нѣкоторымъ ученымъ. Обыкновенно, Венецію считаютъ царицею средиземныхъ водъ; но иныя, особенно Eusèbe Salverte въ своемъ сочиненіи: *De la civilisation Venise et Raguse*, любопытною во многихъ отношеніяхъ, отдастъ преимущество Дубровнику предъ Венеціей.

Всѣ ученныя мнѣнія объ отношеніяхъ Венеціи и Дубровника можно раздѣлить на три разряда Венеціанскіе бытописатели, основываясь преимущественно на хроникахъ Дандоло и Сабеллико, утверждаютъ, что Дубровникъ съ конца X вѣка и до половины XIV вѣка почти непрерывно находился подъ владычествомъ Венеціи. Это мнѣніе въ Венеціи было всегда господствующимъ, а оттуда перешло ко всѣмъ западнымъ ученымъ—французскимъ и нѣмецкимъ. Сами дубровничане до XVI вѣка не высказывались; а послѣ того, когда въ XVI и XVII вѣкахъ, подъ вліяніемъ матеріальнаго процвѣтанія, народный патріотизмъ въ Дубровникѣ достигъ высшей степени развитія, то и вопросъ объ отношеніяхъ къ Венеціи былъ выдвинутъ въ первые ряды. Явилось множество изслѣдователей отечественной свободы и самобытности, и каждому изслѣдователю хотѣлось сказать что-нибудь новое, свое. Одни изъ нихъ шли вслѣдъ за венеціанскими историками; таковъ, напр., Іоаннъ Лучичъ (Joannes Lucius, † 1530), написавшій: *De regno Croatiae et Dalmatiae libri sex* (въ первый разъ было напечатано въ Амстердамѣ 1668 г.,

потомъ вошло въ сборникъ Швандтнера: *Scriptores regum Hungaricarum*). Взглядъ венеціанцевъ и Лучича воскресилъ въ наше время докторъ Любичъ, выступившій въ 1868 году съ своей статьей „Ob одноšrajih dubrovačke sa mletačkom republikom tja do g. 1358“. И Лучичъ, и Любичъ, а послѣдній по новымъ и многочисленнымъ даннымъ, доказываютъ, что Дубровникъ цѣлыхъ четыре столѣтія находился подъ властію и въ подданствѣ республики Венеціанской.—Другіе, отвергая такого рода зависимость, признаютъ только покровительство. Такой взглядъ впервые былъ высказанъ Юніемъ Растичемъ (Giugno Resti, 1671—1735) въ его „*Chroniche di Ragusa*“, остающейся до сихъ поръ въ рукописи (въ Зарѣ въ 1861 г. издано предисловіе, около того же времени Медо-Пущичъ издалъ краткое извлеченіе на сербскомъ языкѣ, и Макушевъ—небольшой отрывокъ, годы 1358, 1373 и 1389, въ IX дополи. въ магистерск. своей диссертациі „О бытоп. Дубровн.“). Растичъ первый старается поколебать свидѣтельства Дандоло, Сабеллико и др. Его сочиненіе до сихъ поръ еще продолжаетъ служить опорою для всѣхъ противниковъ зависимости Дубровника. Въ началѣ XIX вѣка взглядъ Растича раздѣляли Аппендини, издавшій въ 1803 г. въ Дубровникѣ „*Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura di Ragusei*“, и Энгель въ своемъ трудѣ „*Geschichte des Freystaates Ragusa*. Wien. 1807“. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и А. Майкова (Исторія сербскаго языка), который, впрочемъ, значительно колеблется, называя сначала отношенія Дубровника въ XIII—XIV вв. сомнительными (стр. 84), потомъ принимая независимость (стр. 85), и вслѣдъ за тѣмъ верховную власть Венеціи (стр. 85). — Наконецъ, третьи отвергаютъ всякую зависимость Дубровника отъ Венеціи, не признаютъ даже покровительства венеціанскаго, считая всѣ факты, противорѣчащіе ихъ теоріи, выдумкою Дандоло и Сабеллико. Самый даровитый изъ этой партіи былъ Себастьянъ Сладичъ (Sebastiano Dolci, 1699—1777 г.). Мечта о всегдашней независимости и самобытности Дубровника была его *idée fixe*, полнѣе всего выразившейся въ „*Dissertatio critico-cronologico-historica*, 1771 г.“, гдѣ онъ развиваетъ свой взглядъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. По стопамъ Сладича въ наше время пошелъ В. Макушевъ, написавшій свое „Исслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“ съ безотчетнымъ

послѣдованіемъ Сладичевымъ внушеніямъ и идеямъ. Тридцатые годы нынѣшняго столѣтія были апогеозомъ этой партіи. Тогда явилось уже упомянутое нами сочиненіе Е. Сальверта; тогда же А. Соркочевичъ издалъ книгу: *Fragments sur l'histoire politique et littéraire de l'ancienne République de Raguse et sur la langue Slave* (Paris, 1839), которая представляетъ похвальную пѣснь Дубровнику, и другую: *Origine et chute de l'ancienne République de Raguse*, составляющую какъ бы надгробное слово.—Само собою понятно, что при такомъ состояніи вопроса объ отношеніяхъ взятыхъ нами двухъ республикъ, для избѣжанія крайностей прежнихъ изслѣдователей, необходимо остановиться на слѣдующихъ главныхъ пунктахъ: 1) на возможно полномъ собраніи и критической провѣркѣ свидѣтельствъ о зависимости Дубровника отъ Венеціи; 2) на опредѣленіи сущности и степени власти Венеціи надъ Дубровникомъ, и наконецъ 3) на томъ, какъ отразилось вліяніе Венеціи на внутренней организаціи Дубровника. Рѣшеніе этихъ трехъ пунктовъ даетъ намъ съ одной стороны твердую почву для изслѣдованія, а съ другой прольетъ ясный свѣтъ на массу часто противорѣчивыхъ свидѣтельствъ. Но всему будетъ предшествовать обзоръ источниковъ, относящихся до разсматриваемаго нами вопроса.

Источниками будутъ служить:

I. Оффиціальныя данныя, куда относятся:

а) Четыре договора Дубровника съ Венеціей, изданные въ Вѣнѣ 1856 году Тафелемъ и Томасомъ въ *Urkunden zur älteren Handels—und—Staatsgeschichte der Republik Venedig*, во 2-мъ томѣ. Изданіе исполнено по рукописямъ венеціанскаго Архива; но ученые издатели читали текстъ рукописей въ очень многихъ мѣстахъ неправильно, напр. вмѣсто *inventum* они читали *in unetum*, а изъ *partibus* дѣлали *portibus*. Такихъ мѣстъ у нихъ приходится, на одинъ первый договоръ двадцать три.—Г. Макушевъ въ своемъ изслѣдованіи о бытописателяхъ Дубровника перепечаталъ изъ Тафеля-Томаса первый договоръ.—Лучшее изданіе договоровъ со всюю тщательностію серьезнаго ученаго было сдѣлано дикторомъ Любичемъ, въ приложеніи къ его статьѣ „объ отношеніяхъ Дубровника къ Венеціи“, также съ рукописей Венеціанскаго Архива, провѣрено и сличено съ документами вѣнскаго

Архива, который составленъ изъ упраздненныхъ архивовъ далматскихъ городскихъ общинъ.

β) Акты венеціанскаго Архива, касающіеся сношеній Дубровника съ Венеціей. Они изданы Бѣлградскимъ профессоромъ Іоанномъ Шафарикомъ, сначала въ Гласникѣ съ XI до XV вв., а потомъ отдѣльно въ Бѣлградѣ, подъ заглавіемъ: *Acta Archivi Veneti t. I 1860 года, а t. II 1862 г.*

γ) Акты ватиканскаго Архива, содержащіе въ себѣ папскія буллы къ Дубровницкой Республикѣ. Папы по особенной склонности къ этой общинѣ всегда старались уравнивать отношенія ея къ Венеціи; отъ этого папскія буллы получаютъ для насъ новый интересъ. Онѣ изданы Тейнеромъ въ Римѣ 1863 г. подъ названіемъ: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia.*

δ) Статуты Дубровника. Они заключаются въ четырехъ книгахъ; но для насъ важны только первыя три; именно: 1) *Liber statutorum civitatis Rhacusii 1272 г.* 2) *Reformati-ones 1310 г., и liber viridis 1358 г.,* важны потому, что составлены подъ очевиднымъ вліаніемъ Венеціи. Статуты до сихъ поръ еще остаются въ рукописи. Нѣкоторые отрывки изъ книги *Reformati-ones* и *viridis* изданы Пуцичемъ въ Споменицахъ т. II; извлечения изъ Статута сдѣланы также г. Макушевымъ въ „Исслѣдованіи“ его стр. 151—164.

ε) Таможенный уставъ Дубровника. Въ первый разъ онъ былъ обнародованъ въ 1277 году; потомъ былъ дополняемъ до 1674 г. Таможенный уставъ можно считать официальной исторіей дубровницкой торговли; для насъ онъ важенъ потому, что въ немъ сдѣлано много постановленій относительно торговли съ Венеціей, въ ея пользу и въ ущербъ собственной торговли. Такія исключенія встрѣчаются до второй половины XIV вѣка, и прекращаются вмѣстѣ съ венеціанскимъ владычествомъ. Таможенный уставъ находится въ рукописи; извлечения изъ него представлены г. Макушевымъ въ „Исслѣдованіи“ стр. 171—176.

II. Неофициальныя данныя, къ нимъ принадлежатъ:

а) *Shyricum sacrum* въ VIII томахъ, изъ коихъ къ нашему предмету относится собственно VI томъ. Въ немъ много собрано драгоценныхъ свѣдѣній историческихъ-гражданскихъ и церковныхъ, заимствованныхъ какъ изъ лѣтописей,

такъ изъ актовъ официальныхъ. Но и другіе томы этого изданія далеко не излишни для для занимающагося дубровницкой исторіей. Такъ большая часть перваго тома посвящена древней исторіи и географіи Далмаціи и Иллирика, на основаніи Птолемея, Страбона, Плинія старшаго, и многихъ другихъ древнихъ и позднѣйшихъ ученыхъ. Въ другихъ томахъ содержатся политическая и церковная исторія сосѣднихъ съ Дубровникомъ городовъ.

b) *Johannis Diaconi chronicon Venetum et Gradense*. Изъ извѣстныхъ доселѣ это самая древняя венеціанская хроника, писанная въ началѣ XI вѣка. Составитель ея съ точностію не извѣстенъ. На самомъ древнемъ манускриптѣ ея, внизу по листамъ, находится надпись, сдѣланная рукою Іоанна Загорнинскаго, слесарныхъ дѣлъ мастера. Но такъ какъ по всеобщему обычаю подобныя надписи дѣлають владѣльцы книгъ, то изъ этого должно заключать, что Загорнинскій слесарь былъ только однимъ изъ первыхъ владѣльцевъ рукописи, а не составитель ея. Основываясь на томъ обстоятельстве, что хроника болѣе всего занимается временемъ дожа Петра Урсеола II и оканчивается его смертію, и что изъ другихъ лицъ этого времени одно изъ видныхъ мѣстъ въ ней занимаетъ приближенный дожа Іоаннъ Діаконъ, полагають, что этотъ послѣдній и былъ писателемъ хроники. Другія доказательства въ пользу Іоанна Діакона слѣдующія: 1) обстоятельное описаніе посольства къ Императору Оттону III; 2) политическое состояніе Далмаціи, сдѣланное очевидцемъ; 3) изложеніе путешествія въ Далмаціи Петра Урсеола II; 4) точныя извѣстія о сношеніяхъ этого дожа съ Византійскими императорами. Все это необходимо заставляетъ видѣть въ рассказчикѣ очевидца и близко знакомаго съ дѣломъ человека. Кромѣ того, писатель хроники обладалъ достаточною начитанностію въ сочиненіяхъ Беды, Павла Діакона и др., и коротко знакомъ съ церковною исторіей своего края. Конечно, къ Іоанну Діакону такія условія приложимы болѣе, чѣмъ къ кому—либо другому. Онъ былъ министромъ Петра Урсеола II, пользовался у него особенною любовію и уваженіемъ, и за то былъ преданъ дожу и его семейству всею душою; участвовалъ лично во всѣхъ важныхъ событіяхъ тогдашняго времени, въ качествѣ дожева совѣтника; былъ посвященъ во всѣ тайны правленія; былъ началь-

нивомъ посольства къ императорамъ Оттону III и Генриху II, отъ которыхъ равнымъ образомъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе. Хроника его издана въ IX томѣ Пертцевыхъ Monumenta Germaniae historica. Она служила основаниемъ для всѣхъ послѣдующихъ хроникъ.

с) Chronicon Venetum, quod Altinote nuncupatur. Авторъ этой хроники неизвѣстенъ. Но она уже съ давнихъ поръ обращала на себя вниманіе ученыхъ по современности описываемымъ въ ней событіямъ. Уже Монфоконъ писалъ: существуетъ пергаменный кодексъ, писанный около 1210 года, и заключающій въ себѣ венеціанскую исторію. Венеціанцы не знаютъ другой хроники древнѣе этой. Она начинается съ описанія острововъ, на которыхъ расположена Венеція, и о которыхъ существуютъ столь рѣдкія и скудныя свѣдѣнія, и заключаетъ въ себѣ исторію патриарховъ аквилейскихъ, Градскихъ, епископовъ торчельскихъ и венеціанскихъ, а также папъ, императоровъ и дожей,—съ присовокупленіемъ краткаго повѣствованія о нѣкоторыхъ древнихъ патриціанскихъ семействахъ, во многомъ несходнаго съ тѣмъ, что говорятъ о нихъ позднѣйшія хроники. Еще Апостолъ Зенъ замѣтилъ, что Дандоло въ своей хроникѣ, писанной около 1350 г., весьма часто пользовался книгой и памятниками этаго писателя (Diarium Italia. V, 77). Этотъ взглядъ Монфокона былъ господствующимъ до второй четверти нынѣшняго столѣтія, когда была открыта и достаточно оцѣнена хроника Іоанна Діакона, о которой сказано выше. Теперь хроника Алтинатская заняла въ ряду венеціанскихъ хроникъ второе мѣсто по древности. Рукописи ея распространены и встрѣчаются во многихъ итальянскихъ бібліотекахъ. Лучшими считаются: 1) рукопись тревизской бібліотеки, подъ именемъ которой до 1845 года была известна и самая хроника, и 2) рукопись бібліотеки венеціанской патриаршей семинаріи. Последняя признана итальянскими учеными древнѣйшею и исправнѣйшею и поэтому ее выбрали для изданія. Оно сдѣлано съ итальянскимъ переводомъ въ VIII томѣ Archivio storico italiano, Firenze 1845 года.

d) Andreae Danduli Venetorum Ducis Chronicon Venetum usque ad 1339 an. Андрей Дандоло принадлежалъ къ древнѣйшей и лучшей фамиліи, давшей Венеціи многихъ великихъ дѣятелей. Въ дѣтствѣ онъ получалъ блестящее воспитаніе и образованіе и при выступленіи на общественную

дѣятельность занялъ мѣсто между первыми умами и первыми учеными своего времени. Тѣсная дружба его съ Петраркой и переписка съ нимъ уже достаточно извѣстны образованному свѣту. Въ свое время это также много способствовало въ увеличенію блеска, который уже окружалъ имя Андрея Дандоло. Какъ цѣнили его соотечественники, лучше видно изъ того, что на 36 году возраста Андрей Дандоло былъ избранъ дожемъ Венеціи, въ 1343 г.,—примѣръ чрезвычайно рѣдкій. И сограждане не ошиблись въ выборѣ Андрея. Не смотря на физическія бѣдствія, постигшія Венецію въ это время, не смотря на трудныя войны, которыя въ одно и то же время должно было вести и съ турками, и съ Генуей, и съ Венграми, и съ Іоанномъ Висконти, Андрей Дандоло со славою правилъ республикой и вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ трудностей, служа своему отечеству столько-же умомъ своимъ, сколько и воинскою доблестью. Въ это же время онъ написалъ и свою знаменитую хронику. Источниками для него служили: древніе венеціанскіе лѣтописцы, между которыми ярко выдаются Іоаннъ Діаконъ и Альвинатскій Анонимъ; официальные документы Венеціанскихъ Архивовъ; хрисовулы Византійскихъ императоровъ,—многіе изъ такихъ хрисовуловъ утрачены и не дошли до нашего времени; грамматы германскихъ императоровъ, папскія буллы и мн. друг. Дандоло воспользовался бывшимъ въ его распоряженіи матеріаломъ весьма искусно, съ тактомъ основательнаго ученаго. Напрасно изслѣдователи, въ томъ числѣ и позднѣйшіе, считаютъ его выдумщикомъ, слагателемъ разныхъ басенъ; всѣ эти обвинители не говорили бы такъ, еслибы обстоятельно постарались ознакомиться съ лѣтописями древними, каковы двѣ вышеприведенныя нами, которыя вполне оправдываютъ Дандоло. Акты, которые теперь издаются въ значительномъ числѣ изъ разныхъ европейскихъ архивовъ, также подтверждаютъ извѣстія Дандоловой хроники, которая на долго останется образцомъ осторожнаго пользованія источниками. Хроника Дандоло явилась въ свѣтъ въ двухъ редакціяхъ—подробной и сокращенной; подробная давно уже утрачена, а до насъ дошла только сокращенная, отпечатанная въ XII т. Муратори *Regum italicarum Scriptores*. Лучшею рукописью хроники Дандоло считается Амброзіанская въ Миланѣ, въ которой, кромѣ того, на поляхъ содержатся очень важныя замѣчанія.

е) Послѣ знаменитаго лѣтописца-дожа слѣдуетъ упомянуть о Сабеллико. Маркъ Антоній Кокчіо Сабеллико былъ сначала секретаремъ кардинала Бессаріона, извѣстнаго венеціанскаго мецената половины XV вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность кардинальскаго бібліотекаря. Потомъ, по рекомендаціи кардинала, онъ получилъ въ Венеціи должность государственнаго исторіографа, съ пенсіей въ 200 дукатовъ. Глубоко изучивъ Саллюстія, онъ взялъ его за образецъ своего труда. Но Сабеллико слишкомъ увлекся изящностію саллюстіева языка, вслѣдствіе чего и самъ болѣе заботился о впѣшной отдѣлкѣ своего сочиненія, болѣе обращалъ вниманія на красоту слога, чѣмъ на изслѣдованія фактовъ и критическую провѣрку источниковъ, которые были ему доступны. Даже не замѣтно, чтобы онъ пользовался всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами. Книгу Сабеллико скорѣе можно назвать компиляціей хроники Дандоло. Званіе государственнаго исторіографа также отразилось на трудѣ Сабеллико, потому что хроника его вышла панегирикомъ венеціанскому правительству и, слѣдовательно, вполне справедливъ тѣ, которые относятся къ ней съ недоувѣріемъ. Но она написана увлекательною средневѣковою латынью, что и было причиною того, что ее читали всегда охотно и съ удовольствіемъ. Въ первый разъ сочиненіе Сабеллико появилось подъ названіемъ „*Historia Veneta*“, и доведена была до послѣдней четверти XV вѣка. Но очень рано явился ея переводъ итальянскій съ такимъ заглавіемъ: „*Chroniche che tratta po dela origine de Venetia e del principio dela città e de tutte le guerre*“; въ этомъ видѣ она является доведенною до конца XV в. Мы могли бы не говорить объ исторіи Венеціи Сабеллико; но дубровницкіе патріоты обвиняютъ и его, какъ Дандоло, въ выдумываніи фактовъ, въ чемъ онъ совершенно неповиненъ, хотя и отличается пристрастіемъ къ республикѣ, прославившей его имя.

ф) Здѣсь кстати скажемъ нѣсколько словъ о Сабелликовомъ современникѣ, Лаврентіи de Monacis, который былъ великимъ канцлеромъ критскимъ. Онъ написалъ свой трудъ десятками тремя лѣтъ ранѣе выхода въ свѣтъ исторіи Сабеллико. На одной изъ рукописей хроники de Monacis стоитъ слѣдующее заглавіе. *Historia venetiana manuscripta latine eleganterque exarata anno 1424 a Laurentio de Monaco cancellario magno regni cretensis*. Изъ заглавія этой рукопи-

си, хранящейся въ тревизской библіотекѣ, видно, что этотъ трудъ *exaratus*, т. е. выданъ въ 1424 году. А изъ другой рукописи, отпечатанной въ Венеціи 1758 г., подъ заглавіемъ: *chronicon de rebus venetiis*, видно, что этотъ трудъ доведенъ только до 1354 года. Официальное положеніе автора открывало ему тѣже источники, которыми пользовался и Сабеллико. Но *de Monacis* отвесся къ нимъ совершенно иначе; его хроника носитъ печать глубокаго изученія памятниковъ. Она также строга въ выборѣ фактовъ и точна въ ихъ изложеніи. Для насъ хроника эта важна тѣмъ, что,—не сообщая ничего новаго,—она точными документами подтверждаетъ сказанія предшественниковъ.

г) Заключимъ обзоръ источниковъ нѣсколькими словами о дубровницкихъ лѣтописяхъ. Онѣ не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ, и теперь имѣются только списки съ позднѣйшихъ передѣлокъ. Всѣхъ списковъ, извѣстныхъ теперь,—насчитывается до пяти. Но каждый изъ нихъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Макушевъ, въ отношеніи текста представляетъ особую редакцію. Одинъ списокъ сдѣланъ ученымъ Маттеи въ концѣ XVIII вѣка, съ рукописи, которую онъ относилъ къ XIV вѣку. Другой списокъ доктора Стуллича сдѣланъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ рукописи XVI вѣка, хранящейся въ архивѣ Дубровницкомъ: доведенъ до 1543 года. Третій списокъ приписывается Ивану Гундуличу, но не основательно, какъ утверждаетъ В. В. Макушевъ (стр. 205). Онъ оканчивается на 1463 г. и древнѣе Стулличева. Четвертый списокъ принадлежитъ францисканской библіотекѣ въ Дубровникѣ; начинается съ 800 г. и оканчивается 1607 г. Пятый списокъ принадлежитъ Мартеккини и заключаетъ изложеніе событій съ 525 по 1607; т. е. останавливается тамъ же, гдѣ кончается францисканскій списокъ. Изъ книги И. Кукулевича—Сакцинскаго „*Conspectus Monumentorum historicorum*“ и т. д., видно, что кромѣ этихъ лѣтописей, отрывки изъ которыхъ помѣщены у г. Макушева въ приложеніи подъ №№ 1—V (стр. 305—358), существуютъ и другія; но Кукулевичъ не сообщилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній. Что же касается до указанныхъ пяти, то о нихъ должно замѣтить, что первая и послѣдняя начинаются второю четвертью VI вѣка, вторая—687 г., четвертая 800, а третья ранѣе всѣхъ, 459 годомъ. Окончиваются самыя позднія изъ нихъ началомъ XVII вѣка. Изъ сравненія ихъ меж-

ду собою видно, что онѣ суть разные экземпляры одной и той же лѣтописи; вся разница между ними состоитъ въ томъ, что однѣ полнѣе, другіе сокращеннѣе; одни содержатъ въ себѣ болѣе древнихъ оборотовъ и выраженій, другіе менѣе. Впрочемъ, разница между списками появляется только въ XII вѣкѣ. Такъ какъ первоначальная лѣтопись не дошла до насъ, то и нельзя судить о степени ея достовѣрности. Но достоинство списковъ, которые сдѣланы на итальянскомъ языкѣ, невольно подвергается сомнѣнію. Они претендуютъ на самое точное знаніе первыхъ дней Дубровника, — знаніе, доходящее до чрезвычайныхъ подробностей въ годахъ, мѣсяцахъ, и даже дняхъ: между тѣмъ нельзя не видѣть, что эти начальныя страницы суть ничто иное, какъ обезображенная передѣлка мѣстъ изъ Константина Порфиророднаго о далматскихъ городахъ, и Кедрина о томъ же предметѣ; только все это искажено и перемѣшано съ фактами, посягающими очевидные слѣды преданія. Собственное творчество дубровницкихъ лѣтописцевъ сказалось тѣмъ, что они вездѣ, гдѣ только можно, курили своимъ патріотическому чувству. Отъ этаго случилось, что многія важныя событія, но не льстящія народному самолюбію, у нихъ опущены совершенно: такъ напр., осада Дубровника саррацинами въ 867 году, продолжавшаяся 15-ть мѣсяцевъ. Обыкновенно полагаютъ, что начало лѣтописанія въ Дубровникѣ относится къ первой половинѣ VIII вѣка. Но это несправедливо, какъ сейчасъ увидимъ. Въ исторической литературѣ Дубровника извѣстенъ такъ называемый „Versus Miletii“, произведеніе конца XIII вѣка. Въ подлинности и исторической точности его никто не сомнѣвается; онъ то и будетъ служить для насъ точкою опоры въ данномъ случаѣ (напеч. съ коммент. въ 17 т. *Illug. Sacrum*, стр. 13). Въ этомъ стихѣ Милетій въ послѣдовательномъ порядкѣ излагаетъ событія дубровницкой исторіи, и при этомъ держится порядка самихъ источниковъ, сначала помѣщаетъ то, что беретъ изъ преданія, потомъ описываетъ событія, заимствованныя изъ лѣтописей, и наконецъ говорить о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ. Самое древнее событіе, взятое имъ, по его словамъ, изъ древней лѣтописи — *pagina prisca* — было осада Дубровника Бодиномъ въ 1116 году. Значитъ, и начало лѣтописанія въ Дубровникѣ нужно отнести къ началу XII вѣка. Основною канвою дубровницкихъ лѣтописей будутъ служить записки современни-

ковъ, начавшіяся съ XII вѣка, чѣмъ объясняется и разность въ редакціяхъ дубровницкихъ лѣтописей и этаго времени. А въ послѣдующее время, можетъ быть—въ XIV вѣкѣ, или XV, когда просвѣщеніе въ Дубровникѣ достигло значительной степени и явилось стремленіе къ историческимъ изслѣдованіямъ, какой-нибудь досужій ученый, по Константину и Кедрину, придѣлалъ начало къ лѣтописямъ, захвативши періодъ времени съ основанія республики до XI столѣтія включительно. Отъ этаго происходитъ и согласіе всѣхъ лѣтописныхъ редакцій въ разсказъ о начальныхъ событіяхъ. Прибавимъ еще, что между началомъ и концемъ лѣтописей дубровницкихъ со стороны языка нѣтъ разницы.

Теперь нѣсколько словъ объ ученой обработкѣ памятниковъ. Венеціанская исторія нашла себѣ многихъ усердныхъ изслѣдователей и историковъ, какъ въ цвѣтущую пору своей славы, такъ и послѣ паденія. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Сисмонди въ своемъ классическомъ сочиненіи „*Histoire des républiques italiennes au moyenâge*“ посвятилъ много прекрасныхъ листовъ венеціанской исторіи. Вскорѣ послѣ Сисмонди появилось другое сочиненіе, специально посвященное Венеціи. Это—*Histoire de la république de Venise*. VII vls. Paris. 1819,—соч. Дарю. Сочиненіе Дарю должно быть настоящею книгою для всякаго, занимающагося венеціанскою исторіей. Важность его основывается какъ на полнотѣ и точности изложенія, такъ и на громадной массѣ источниковъ, на которыхъ оно основано. Дарю началъ изучать источники венеціанской исторіи съ того времени, какъ архивы уничтоженной республики были переведены въ Парижъ; потомъ продолжалъ свое дѣло въ Миланѣ, куда были свезены архивы; оба эти обстоятельства послужили Дарю въ пользу, потому что онъ имѣлъ возможность изучать венеціанскія рукописи—въ первый разъ вмѣстѣ съ парижскими,—а во второй вмѣстѣ съ другими итальянскими, находившимися въ Миланѣ, Веронѣ, Тревизѣ и др. мѣстахъ. Послѣдніе два тома его исторіи представляютъ обзоръ источниковъ, большею частію рукописныхъ, число которыхъ по словамъ Дарю (tom VI, introd. VII) простирается до 4000, хотя только половина этаго числа было имъ лично перечитана. Многие изъ болѣе замѣчательныхъ документовъ онъ помѣщаетъ цѣликомъ въ этихъ послѣднихъ двухъ томахъ; таковы: постановленія государственныхъ инквизиторовъ, данныя статистическія, фи-

нансовія, нѣкоторые донесенія венеціанскихъ пословъ, полный списокъ дожей, переписка, предшествовавшая уничтоженію Венеціанской республики и много другихъ рѣдкихъ документовъ и мемуаровъ. Къ немаловажнымъ достоинствамъ этого труда относится и то, что Дарю приложилъ къ нему нѣсколько тщательно исполненныхъ географическихъ картъ Венеціанской республики. Но главное достоинство труда заключается въ безпристрастіи автора, который не далъ себѣ увлечься посторонней идеей и писалъ безъ всякой предвзятой мысли, стараясь только объ одномъ, чтобы въ точности воспроизвести фактъ. Въ этомъ причина, почему сочиненіе Дарю еще на долго останется лучшимъ пособіемъ для Венеціанской исторіи.

Что сдѣлалъ Дарю для венеціанской исторіи, то самое намѣревался сдѣлать В. В. Макушевъ для исторіографіи Дубровника въ своемъ „Изслѣдованіи объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, СПб. 1867 г.“. Возможность для этого у него была полная. По его собственнымъ словамъ, онъ четыре года (съ 1862 до 1866) прожилъ въ Дубровникѣ, въ теченіе которыхъ собралъ большой запасъ матеріаловъ по исторіи вѣнскихъ сношеній дубровницкой республики, и не мало памятниковъ литературныхъ и юридическихъ. Хотя онъ не могъ получить доступа въ дубровницкій архивъ, но за то пользовался бібліотеками францисканцевъ, доминиканцевъ и іезуитовъ, и кромѣ того книгохранилищами книгопродавца Мартеккини (въ другомъ мѣстѣ В. В. Макушевъ говоритъ, что Мартеккини, самъ не пользуясь своими рукописными сокровищами, не дозволяетъ пользоваться ими и другимъ, стр. 169. Какъ понимать теперь увѣренія г. Макушева?) графа М. Пудича, д-ра И. Казначича и Хр. Влайка (Введ. III). Въ самомъ дѣлѣ, у г. Макушева собрано довольно много бібліографическихъ подробностей. Мы имѣли уже случай не одинъ разъ указать, что онъ въ приложеніи къ своей диссертациі помѣстилъ нѣсколько отрывковъ изъ подлинниковъ. Конечно, не остается сомнительнымъ, что былъ знакомъ съ тѣми историческими памятниками, о которыхъ онъ говоритъ, — знакомъ непосредственно. Выше мы отмѣтили его противорѣчивое показаніе о пользованіи бібліотекой Мартеккини; а здѣсь скажемъ, что на книгѣ ученаго нашего изслѣдователя слиткомъ видно вліяніе Серафима Червы (*Metropolis sacra Ragu-*

sina и Vitae Illustriam Ragusinarum) и Себастьяна Сладича (Libertas perpetua Ragusina ab omni jure Veneti dominii asserta et vindicta, dissert. crit.—cronol.—hist. 1771), писателей второй половины прошлаго столѣтія. Но такъ какъ оба эти писателя часто пользовались источниками очень смутными, напр. монастырскими преданіями и лѣтописями, то уже Колетти, продолжатель *Istoric Sacri*, указывалъ у нихъ ошибки (t. VI, 46 напр.), которыхъ современная наука обнаруживаетъ еще болѣе. Понятно, что ихъ ошибки переняли и г. В. В. Макушевъ, который смѣло довѣрился Червъ и Сладичу, найдя у нихъ почти весь матеріалъ для своего сочиненія. Такъ онъ на слово вѣритъ Червъ въ вопросъ объ основаніи Дубровника, которое полагаетъ въ 258 г. А Червъ пришелъ къ такому выводу вслѣдствіе того, что Фессалонику, которую сием осаждали въ 258 и 279 гг., призналъ за Салону приадриатическую; и Эпидамнъ, окрестности котораго опустошали славяне, грабившіе въ 546 г. Македонію и Фессалию, за Эпидавръ Далматскій; а извѣстно изъ Константина Порфирогенита (ed. Bon. III, 29), что этотъ послѣдній и Салона, разрушенные Хорватами въ 638 г., дали начало Дубровнику. В. В. Макушевъ также сильно довѣрился имъ въ вопросъ о началѣ дубровницкихъ лѣтописей, которыя онъ относитъ къ началу VIII, или концу VII вѣка. Мы уже сказали, что должно думать объ этомъ; но странно, какъ г. Макушевъ не узналъ въ начальныхъ извѣстіяхъ лѣтописей — Константина Багрянороднаго, съ которымъ онъ, кажется, долженъ быть знакомъ. Увлеченный Сладичемъ, онъ казнитъ суровыми и рѣзкими выраженіями Дандоло и Сабеллино; а между тѣмъ совершенно незнакомъ съ хрониками Іоанна Діакона и Альтинатскаго, которые служили для нихъ источниками. Мы могли бы указать множество подобныхъ недостатковъ обширной книги Макушева, если бы имѣли въ виду представить обстоятельный разборъ ея; но это не входитъ въ планъ настоящей работы. Мы укажемъ вмѣсто того на видное достоинство его сочиненія: это—приложенія. Но и это достоинство не безупречное. Когда смотришь нѣкоторыя приложенія, напр. IX, изъ сочиненія Растина, то рѣшительно недоумѣваешь, почему г. Макушевъ отпечаталъ изъ этого, столько имъ обожаемаго, автора всего двѣ странички, на которыхъ при томъ три отрывка, а изъ Серафима Раци, который по общему признанію и Червы, и Сладича, и самого г. Маку-

шева велъ дѣло небрежно (*Razzis et aliena et nostra indiligenter scripsit*) помѣстилъ цѣлыхъ пять страницъ. Напрасно В. В. Макушевъ разсыпаетъ щедрою рукою упреки противъ итальянцевъ, и въ особенности противъ Аккендини, котораго онъ называетъ безстыднымъ самохваломъ (стр. 291).... Аккендини навсегда останется серьезнымъ изслѣдователемъ. Даже явно нерасположенный къ нему авторъ почтеннаго „Изслѣдованія о дубровницкихъ бытописателяхъ“ не отказывается пользоваться имъ во многихъ случаяхъ.

Теперь перейдемъ къ изложенію нашей задачи.

Обращаясь къ исторіи Венеціи и Дубровника, мы находимъ, что оба города основаны были по одинаковому поводу: приморскіе жители искали здѣсь защиты отъ нападеній варваровъ. Разница была только во времени; Венеція опередила Дубровникъ своимъ происхожденіемъ на два столѣтія. Даже событія перваго времени существованія обоихъ городовъ сходны въ общихъ чертахъ; то была борьба съ пиратами. Но едва прошло сто лѣтъ со времени первыхъ поселеній въ Дубровникѣ, какъ между нимъ и Венеціей уже пылала жестокая вражда, которая сколько служила къ развитію могущества Венеціи, столько же приносила вреда Дубровнику.

Извѣстно, что и Венеція и Дубровникъ, лежатъ при одномъ и томъ же морѣ, и оба кажутся построенными на островахъ,—одна на низкихъ, другой на скалистомъ утесѣ, отрѣзанномъ отъ материка озеромъ и лѣсомъ. Лишенные почвы, которая могла бы питать ихъ, оба города должны были искать себѣ спасенія отъ голода въ окружающемъ морѣ. И оно сдѣлалось для нихъ всѣмъ: оно замѣняло имъ плодородныя поля, доставляя изъ нѣдръ своихъ средства къ пропитанію; оно же служило для нихъ превосходною дорогою къ сообщенію съ другими городами, центрами тогдашней жизни и дѣятельности. Понятно, что и Венеціи, и Дубровнику, хотѣлось безраздѣльно господствовать надъ моремъ. Отсюда началась между ними борьба, которая для нихъ была тоже-ственна съ борьбою за жизнь; но размѣры борьбы увеличилась, когда къ этому присоединилось соперничество въ торговлѣ.

Положеніе, занимаемое обоими противниками при началѣ борьбы, и силы ихъ—были далеко неодинаковы. Торговля Венеціи обнимала уже всю Адріатическую; войны съ пиратами, саррацинами, остготами и лангобардами развили въ ней страшныя морскія силы и она была уже повелительницею прилегающаго къ ней моря, когда Дубровникъ начиналъ свое существованіе. И другія обстоятельства ему не благоприятствовали: какъ провинціальныи городъ Восточной Имперіи, онъ не могъ имѣть собственныхъ военныхъ силъ, и никакихъ другихъ кораблей, кромѣ торговыхъ; защитой ему служили, какъ и другимъ городамъ Имперіи, общія государственныя силы, которыя большею частію заняты были войнами на крайнемъ востоцѣ, или на Дунаѣ. Отсюда съ точностію можно было опредѣлить, какое направленіе приметъ борьба Венеціи съ Дубровникомъ; заранее можно было предвидѣть, что Венеція не только будетъ стараться уничтожить ненавистнаго соперника, но и попытается подчинить его своей власти. Другихъ цѣлей Венеція не могла имѣть, если желала своего усиленія; а отъ Дубровника такая цѣль не могла укрыться, потому что была слишкомъ очевидна. Сознавая свою слабость, Дубровникъ искалъ помощи и защиты у славянскихъ пиратовъ, неретвянъ (Narentani), что также не осталось тайной для Венеціи. Въ VIII и IX вѣкахъ борьба была въ полномъ разгарѣ; но побѣда еще не принадлежала никому. Венеціанцы захватывали дубровницкіе корабли и жестоко поступали съ тѣми дубровничанами, которые попадались имъ въ руки (лѣт. Стул. подъ 971 г. у Макуш. стр. 319). Дубровничане въ свою очередь поощряли и возбуждали неретвянъ къ нападѣніямъ на венеціанъ, что было для послѣднихъ весьма чувствительно; потому что неретвяне заставляли Венецію покупать у себя за большія деньги право безопасной торговли по адріатическому морю (Mur. XII, 225; A; Pertz, IX, 29). А если помощь неретвянъ была недостаточна, то дубровничане обращались къ Византійскому императору. Такъ въ лѣтописяхъ Дубровника записано нѣсколько случаевъ такого рода, что венеціане, по ходатайству императоровъ, нѣсколько разъ возвращали Дубровнику захваченные корабли съ богатымъ грузомъ, на 12,000, на 25,000 дукатовъ (Стул. у Мак. 319—320). Но такое состояніе длѣлъ измѣнилось, когда дожемъ Венеціи былъ избранъ въ 991 году Петръ Урсеоло II.

Никогда выборъ Венеціи не оправдывался успѣхами большими и полезнѣйшими, какъ на этотъ разъ, замѣчаетъ Дарю (*Hist. de la républ. Ven. t. 1, 102*). Рассказываютъ, что отецъ Петра Урсеоло II предсказалъ, что сынъ его будетъ славомъ отечества. Новый дожъ былъ тридцати лѣтъ отъ роду въ то время, какъ принималъ бремя правленія республикой, которая внутри была раздираема междоусобіями партій, а извнѣ была утѣснена пиратами. Впрочемъ, трудныя обстоятельства послужили только къ скорѣйшему обнаруженію блестящихъ дарованій молодаго Дожа. Чтобы успокоить партіи и прекратить между ними борьбу, онъ постановилъ закономъ, чтобы за всякое оскорбленіе въ общественномъ мѣстѣ платили штрафъ въ 20 фунт. золота (Дарю, *ibid.* 103). Вслѣдъ за тѣмъ онъ заключилъ союзы съ итальянскими государями и съ императоромъ Оттономъ III. Обнадеженный этими союзами, онъ запретилъ платить дань неретвянскимъ пиратамъ, и когда далматскіе славяне хотѣли отмстить венеціанамъ, то онъ силою принудилъ ихъ къ миру, отнявши у нихъ одинъ островъ (*Pertz, IX, 29, 30; Murat. XII, 226*). Далматскія дѣла, вѣроятно, подали поводъ дожу въ дипломатическимъ сношеніямъ съ Византіей, которая считала славянъ балканскаго полуострова и земли, ими занимаемыя, своими собственными. Однакожъ, дѣла Византіи были тогда въ такомъ состояніи, что Петру Урсеоло нечего было опасаться за счастливый исходъ сихъ сношеній.

Внутренній порядокъ восточной имперіи и ея матеріальныя силы, доведенные до высокой степени Іоанномъ Цимисхіемъ, оставались въ такомъ же положеніи и послѣ его смерти: потому что правленіе перешло въ руки благоразумнаго и дѣятельнаго Василия II, сына Константина Багрянороднаго. Но при всемъ томъ, положеніе Василия было затруднительно. Съ самаго начала ему пришлось вести двѣ тяжелыя войны на противоположныхъ концахъ своего государства, на востокъ съ магометанами, и на западъ съ возставшими болгарами. Особенно трудна была послѣдняя война, продолжавшаяся около 40 лѣтъ, и поглощавшая всѣ силы Византіи. Изъ этого достаточно ясно, что Василій II не могъ оказывать дѣятельнаго вниманія во всѣ другія внѣшнія дѣла. Даже хорваты пользовались такими обстоятельствами, и то помогали болгарамъ, то тѣснили приморскіе далматскіе города, принадлежавшіе еще восточной им-

періи. Когда въ 997 г. въ Византію явилось венеціанское посольство съ Іоанномъ, сыномъ дожа, во главѣ, то Василій считъ себя совершенно удовлетвореннымъ, и, по словамъ лѣтописи, не только одарилъ дожева сына весьма щедро, но еще отличилъ его особенными почестями (Pertz IX, 31; Murat. XII, 226).

Но была и другая причина, которая, безъ сомнѣнія, имѣла большое вліяніе на такой исходъ переговоровъ. Венеція съ давняго времени оказывала восточнымъ императорамъ важныя услуги. Морскія силы ея не разъ блестящимъ образомъ сражались за Византію—то въ войнахъ съ Готами, служа Велизарію и Нарзесу, то въ войнахъ съ Сарацинами, въ преслѣдованіи пиратовъ, расплодившихся на средиземномъ морѣ. За это восточные императоры давно уже отличали венеціанцевъ и давали имъ разныя торговыя привилегіи въ своей имперіи. Такимъ образомъ, симпатіи взаимныя между имперіей и республикой имѣли за собою уже нѣсколько вѣковъ существованія.

Установленіе тѣсныхъ связей между Венеціей и Византіей, освященныхъ потомъ чрезъ 6 лѣтъ женитьбою дожева сына Іоанна на племянницѣ Василя II, имѣло такія послѣдствія, какихъ, можетъ быть, не предвидѣли ни дожъ, ни императоръ. Граждане города Задры (Цара), выведенные изъ терриѣннѣ набѣгами Кроатовъ и Неретвянъ, и обнадеженные тѣсною дружбою между Византіей и Венеціей, вступали въ подданство послѣдней. Примѣру ихъ послѣдовали почти всѣ остальные далматскіе города, и просили дожа защитить ихъ отъ свирѣпости славянъ. Такъ рассказываетъ хроника Іоанна Діакона (Pertz, IX, 31). Дандоло прибавляетъ къ этому, что города сначала обратились къ императору Василю II въ Византію, и что уже съ позволенія императора Венеція приняла ихъ въ свое подданство. Дандоло заключаетъ свой разсказъ увѣреніемъ, что онъ подтверждается документальными данными, которые содержатся въ древнѣйшихъ кодексахъ греческихъ и венеціанскихъ (Murat. XII, 227, В). Къ сожалѣнію, эти данныя не дошли до насъ; вѣроятно, кодексы сгорѣли во время пожара 1503 г., когда погибла большая часть венеціанскаго архива (Daru. Hist. de la républ. de Venise. t. 3, 265 сл. также t. VI, intr. V), такъ что приходится положиться на добросовѣстность Дандоло и на послѣдующіе подобныя примѣры изъ практики Византійской, какъ увидимъ ниже.

Когда дожъ Петръ Урсеоло II получилъ просьбу прибрежныхъ городовъ Далмаціи, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, находился и Дубровникъ: то, не теряя времени, сталъ снаряжаться къ походу въ Далмацію для принятія подданства и водворенія тамъ мира. Вездѣ его встрѣчали какъ избавителя, и приносили ему присягу. Когда онъ прибылъ на островъ Корчулу (Corgzola), то въ нему прибылъ туда архіепископъ дубровницкій съ лучшими изъ гражданъ, и здѣсь отъ лица всего Дубровника, вмѣстѣ съ своими спутниками, принесъ дожу присягу и обѣщалъ ему повиновение (Pertz, IX, 33). Разсказъ объ этомъ, записанный сначала современникомъ и очевидцемъ Діакономъ Іоанномъ, буквально перешелъ изъ хроники послѣдняго въ лѣтопись Дандоло.

Это—первый случай, когда Дубровникъ изъ болѣе, или менѣе счастливаго соперника Венеціи сдѣлался ея подданнымъ, или, какъ было по древнему русскому праву,—пригородомъ ея. Дубровницкія лѣтописи, однакожъ, не знаютъ такого событія. За тоже почти время, именно 997 годъ, мы находимъ въ нихъ извѣстіе другаго рода, разсказанное двоякимъ образомъ. По первому разсказу (Стулли, у Маев. 320), венеціанцы захватили дубровницкое судно, шедшее изъ Апуліи съ серебромъ и воскомъ. По этому поводу, дубровничане отправили въ Венецію двухъ пословъ—Лукарича и Рыбцу, чтобы истребовать удовлетвореніе и, не получивъ его, запретили своимъ купцамъ торговать съ венеціанцами.—По другому разсказу, послами были отправлены архіепископъ съ нѣкоторыми именитыми людьми, и не въ Венецію, а къ дожу, на островъ Корчулу; такъ говоритъ Растичъ (по Макуш. стр. 30—39) и другіе. Прекращеніе торговли,—продолжается въ обоихъ разсказахъ,—побудило Венецію въ 1001 году прислать въ Дубровникъ пословъ просить мира, который и былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Дубровникъ ежегодно платитъ Венеціи по три бочки вина рыбальскаго и столько-же Мальвазіи, да двѣ гиней; а Венеція Дубровнику 14 аршинъ алаго сукна и двухъ дикихъ быковъ; въ случаѣ войны обѣ республики посылаютъ другъ другу на помощь по одной вооруженной галерѣ (смотри. Стулл. у Макуш. 320). Въ этой дубровницкой повѣсти останавливаются на себѣ наше вниманіе, болѣе другихъ, четыре главныя обстоятельства: 1) указанная разница въ разсказахъ; 2) несо-

образность съ тогдашнимъ политическимъ значеніемъ Венеціи, которая была тогда на столько сильна, что могла совершенно уничтожить дубровицкій флотъ и торговлю; 3) логическая несообразность въ самомъ разсказѣ, который заставляетъ венеціанцевъ, вынужденныхъ къ миру и, слѣдовательно, побѣжденныхъ, платить такія ничтожныя вещи, а побѣдителей—дубровичанъ очень значительную сумму; 4) позднее появленіе разсказа, потому что дубровницкіе памятники въ которыхъ онъ содержится, не ранѣе XV вѣка. Ни Сладичъ, ни его послѣдователи, включая и В. В. Макушева, не обратили никакого вниманія на эти обстоятельства, и приняли извѣстія дубровницкихъ источниковъ безъ всякой повѣрки. При томъ, прежде чѣмъ рѣшить окончательно вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ довѣряться—своимъ, или чужимъ, слѣдовало рассмотреть по обстоятельству, объ одномъ ли и томъ же говорятъ опи? Можетъ быть, и свои, и чужіе—равно справедливы, но только говорятъ о разныхъ событіяхъ, случившихся въ послѣдовательномъ порядкѣ.—Если обратиться опять къ Дандоло и его источнику Іоанну Діакону, то увидимъ, что дѣйствительно такъ. По хроникахъ ихъ, не задолго до присяги Дубровника Венеціи, возвращались домой десять кораблей съ знатными Неретвянами. Узавши объ этомъ, Петръ Урсеоло II захватилъ ихъ въ плѣнъ, потому что между Неретвянами и Венеціей еще продолжалась вражда. Когда вѣсть объ этомъ дошла до князя Неретвянъ, то онъ просилъ дожа объ ихъ освобожденіи, обѣщая не вредить болѣе венеціанцамъ. дожъ согласился, освободилъ плѣнниковъ, кромѣ шести, которые остались въ качествѣ заложниковъ (Pertz, IX, 32. Murat. XII, 228—229). Ни здѣсь ни въ другихъ мѣстахъ нѣтъ ни слова о судахъ, захваченныхъ у Дубровника; а между тѣмъ сродство этого факта съ записаннымъ въ дубровицкихъ лѣтописяхъ, несомнѣнно. Разница же вышла отъ того, что послѣдніе представляютъ фактъ въ искаженномъ видѣ, разбавивъ его патристическими приправами.—Такимъ образомъ, дубровницкія свидѣтельства не опровергаютъ факта о подчиненіи Дубровника Венеціи. Между тѣмъ онъ подтверждается многими другими данными; такъ объ немъ говоритъ Сабеллико (Decad. I, lib. 4) и Лаврентій de Monacis (lib. III, 54—56). Кромѣ того въ венеціанскомъ архивѣ имѣется официальный документъ (Commen. стр. 13), въ которомъ прямо говорится,

что Петръ Урсеоло II Ragusim in eadem (какъ и другіе далматскіе города) fidehilatem habuit. По свидѣтельству упомянутыхъ венеціанцевъ, когда Дубровникъ присягнулъ на вѣрность дожу и Венеціи: то Петръ Урсеоло поставилъ въ немъ своего графа, или намѣстника, которымъ былъ сдѣланъ на первый разъ одинъ изъ его сыновей—Оттонъ Урсеоло (Mur. XII, 230, выноска вторая). Съ этого времени венеціанскіе дожи стали употреблять титулъ: Dux Venetiae et Dalmatiae.

Хотя Дубровникъ подчинился Венеціи, но нѣтъ сомнѣнія, что чуждое владычество было не по душѣ дубровничанамъ. Да и кто можетъ легко сносить власть того, съ кѣмъ недавно соперничалъ самъ? Изъ лѣтописей невиднo, долго ли они соблюдали дубровничане свои обязательства предъ Венеціей; но есть нѣкоторые факты, изъ которыхъ можно заключать, что они искали перваго удобнаго случая, чтобы свергнуть ненавистное иго. У Кедрина подъ 1033 годомъ замѣчено, что византійскій полководецъ Патріцій Нивифоръ и дубровничане разбили Сарацинъ, которые жгли и грабили приморскіе города Иллирика (Кедр. tom. II, 499). Если это свидѣтельство не даетъ права заключать о возвращеніи Дубровника въ составъ восточной имперіи, то все же показываетъ, что онъ находился съ ней въ дружескихъ связяхъ. Десять лѣтъ спустя, т. е. въ 1043 г., Задра, по проискамъ венгерскаго короля, отказала Венеціи въ повиновеніи и отдалась подъ защиту Венгріи. Но венеціанцы отправили подъ нее сильное войско съ дожемъ Доменико Кантарини (1041—1069), и Задра была снова возвращена. Хроника Дандоло при этомъ говоритъ: подобнымъ образомъ и нѣкоторые изъ далматинцевъ, узнавъ о прибытіи дожа, приступили къ соблюденію обычнаго подданства (Mur. XII, 244. A). А Лаврентій de Monacis увѣряетъ, что присутствіе дожа мною способствовала къ утвержденію въ вѣрности другихъ далматинцевъ (lib. III, 77). Праведенныя мѣста даютъ разумѣть, что въ это время вообще вся Далмація была въ броженіи, и готовилась возстать противъ Венеціи. Едва ли должно сомнѣваться въ подобномъ же настроеніи Дубровнича. Не даромъ въ нѣкоторыхъ венеціанскихъ хроникахъ около этого времени помѣщается рассказъ о томъ, что будто венеціанцы, пришедшіе съ Доменикомъ Кантарини для усмиренія возстанія въ Дубровникѣ, построили не далеко отъ него крѣ-

пость св. Лаврентія, чтобы при ея помощи подавлять всякія восстанія и удобнѣе господствовать (у Мак. 433) надъ дубровничанами. Далѣе, по дубровницкимъ источникамъ мы находимъ, что съ 1081 до 1085 г. дубровницкій флотъ помогалъ Роберту Гискару въ войнѣ съ Алексѣемъ Комнинымъ (Annales. di Ragus. lib. I, 13). Если это справедливо, то нужно будетъ согласиться, что Дубровникъ въ это время не былъ подъ властію Венеціи, такъ какъ флотъ этой последней помогалъ Алексію Комнину. Но извѣстіе дубровницкихъ лѣтописей не подтверждается ни венеціанскими, ни византійскими источниками. Напротивъ, у Дандоло мы находимъ, что норманны нѣсколько разъ пытались овладѣть Далмаціей, но всегда были прогоняемы дожами, и что дожъ Виталій Фанверн, чтобы усилить юридическія связи Далмаціи съ Венеціей, просилъ Алексѣя Комнина новымъ хрисовуломъ подтвердить верховную власть Венеціи надъ Далмаціей, Кроаціей и островами, что и было сдѣлано (Mug. XII, 250). Надо полагать, что Дубровникъ, если и волновался, то не дѣлалъ въ это время открытаго возмущенія противъ Венеціи. Въ 1115 году мы видимъ архіепископомъ дубровницкимъ венеціанца Доминника; а это можетъ служить доказательствомъ нашего предположенія; потому что принятіе епископа изъ чужихъ рубъ, означало тогда подчиненіе (см. объ арх. Дом. Шуг. Sacr. t. VI, p. 60).

А. Небосклоновъ⁽¹⁾.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

⁽¹⁾ Печатавъ этотъ послѣдній трудъ автора, не можемъ не выразить искренняго прискорбія о слишкомъ ранней потерѣ для русской науки этого молодого, только что начавшаго работать дѣятеля. Настоящая статья была имъ представлена въ факультетъ въ качествѣ годоваго обязательнаго студенческаго сочиненія на избранную нами тему. Тогда авторъ только что кончилъ изслѣдованіе на премію Славянскаго Комитета. Можно судить что обѣщали его энергія, его образцовое трудолюбіе въ будущемъ. Посланный, по окончаніи курса, въ томъ же 1871 г. за границу, для приготовленія къ профессурѣ по Славянской исторіи, Небосклоновъ изнемогалъ болѣе и болѣе, но не переставалъ работать... Онъ скончался въ Загребѣ отъ чахотки.

Н. Осокимъ.

ВЕНЕЦІЯ И ДУБРОВНИКЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СЪ 998 ДО 1358 ГОДА.

(Окончаніе).

Безспорная зависимость Дубровника отъ Венеціи начинается съ 1122 года. Тогда дубровничане, отложивши всякія колебанія, постарались применить тѣснѣе къ Венеціи. Причины были чисто внѣшнія: съ одной стороны боязнѣ Венгріи, а съ другой нежеланіе подчиняться твердому и мужественному византійскому императору Калоіоанну. Этотъ послѣдній поставилъ своею задачею возстановить предѣлы Восточной имперіи и напомнить то, чѣмъ она была въ VI или VII вѣкѣ. Онъ покорилъ большую часть балканскихъ славянъ, и тоже намѣренъ былъ сдѣлать съ Далмаціей и Кроаціей. Но въ начавшейся изъ-за этого войнѣ съ Венеціей Комненъ терпѣлъ большею частію пораженія. Въ такихъ обстоятельствахъ дубровничане сами просили себѣ у Венеціи графа (Рацци, Лукаритъ и др.). Самъ Себастіанъ Сладичъ не отвергаетъ этого (Liber регр. Rag. cap. II, у Мак. 433): онъ признаетъ вмѣстѣ съ прочими, что венеціянскіе графы управляли Дубровникомъ съ этого времени въ продолженіе 30 лѣтъ, и называетъ даже имена правившихъ тогда четырехъ графовъ. Но подчиненія онъ все-таки тутъ не видитъ, увѣряя, что это все было дѣломъ одной лишь дружбы, и что графы, по минованіи въ нихъ надобности, были отпущены домой съ благодарностію и великими дарами. Но призваніе графовъ изъ Венеціи получаетъ другой смыслъ, если мы обратимся къ современнымъ источникамъ. Заключая въ 1141 году договоръ съ городомъ

Фано, по случаю войны послѣднѣяго съ Флоренціей, венеціанцы поставили между прочимъ слѣдующее условіе: „мы, т. е. граждане Фано, обѣщаемся ~~дѣлать~~ вамъ (венеціанцамъ) на помощь вооруженную галеру на нашемъ содержаніи, гдѣ бы не напали враги на ваши предѣлы, начинающіеся Дубровникомъ и оканчивающіеся Равенной“ (Rad juhosl. Acad. V, 76). Въ 1145 году, заключая трактатъ съ Каподистріей, венеціанцы обязываютъ каподистріянъ идти на войну, если она будетъ происходить въ предѣлахъ венеціанской республики отъ Венеціи до Дубровника (Tafel. Theil I, 106). У Дапдоло подъ 1146 годомъ о томъ же читаемъ: „народъ Юстанополя обѣщали посылать дожу вверхъ отъ Дубровника одну галеру, а внизъ—опредѣленное число людей“ (Mug. XII, 281). Въ 1154 г. въ договорѣ съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ венеціанцы обязываютъ его не беспокоить владѣній Венеціи, лежащихъ внизъ отъ Дубровника (Ibid. 286). Изъ сличенія этихъ мѣстъ видно, что въ періодъ времени съ 1124 по 1154 годъ, когда Дубровникомъ управляли призванные изъ Венеціи графы, границы венеціанской республики простирались сначала отъ Равенны до Дубровника включительно; затѣмъ начинались Венеціей и оканчивались Дубровникомъ, и, наконецъ, начинались Венеціей и продолжались за Дубровникъ въ греческому полуострову. Значитъ, Дубровникъ и въ это время входилъ въ составъ венеціанскихъ владѣній. Въ первый разъ съ 998 года положеніе Дубровника измѣнилось только послѣ 1154 года: послѣ заключенія договора между Венеціей и Сициліей по этому же поводу.

Алексѣй Комнинъ и Калоіоаннъ хорошо знали, какими страшными врагами для Византіи могутъ быть Венеція и Сицилійское королевство. Оттого Мануилъ, сынъ Калоіоанна, составилъ планъ,—возбуждая одну противъ другаго, стараться ослабить ихъ, если невозможно совсѣмъ уничтожить. Въ такихъ видахъ онъ сначала предложилъ свой союзъ противъ Венеціи королу Сицилійскому, Вильгельму, когда узналъ, что послѣдній заключилъ договоръ съ республикой. Не успѣвши здѣсь, онъ обратился съ такимъ же предложеніемъ къ Венеціи; равнымъ образомъ и съ этой стороны получилъ успѣха не больше. Тогда Мануилъ рѣшился истить, потому что обстоятельства были для него довольно благопріятны: вся Германія и Италія были охвачены борьбою гвельфовъ

и гибелиновъ; эта борьба вовлекла въ войну съ германскимъ императоромъ и Венецію. Мануилъ послалъ въ Далмацію сильный флотъ, и завладѣлъ Корцирой, Дубровникомъ, Трогиромъ, Сплатомъ и нѣкоторыми другими мѣстами въ Далмаціи. Это произошло въ 1167 г. (Нивит. Хон. lib. 5, с. 9). Венеція, быть можетъ, и уступила бы эти мѣста Византіи, чтобы избѣжать новой войны, потому что она смотрѣла на этотъ поступокъ Мануила хладнокровно; но Восточный императоръ самъ повредилъ себѣ, когда года черезъ три велѣлъ арестовать всѣхъ венеціанскихъ купцовъ, находившихся въ имперіи. Это вызвало войну. Въ 1171 году Венеція послала флотъ на Восточную имперію. Но флотъ прежде всего долженъ былъ возвратить города, захваченные Мануиломъ. Всѣ города безъ сопротивленія отворяли венеціанцамъ свои ворота, только Дубровникъ не хотѣлъ повиноваться, и его пришлось осаждать. Дубровничане, надѣясь на укрѣпленія, построенныя около ихъ города императоромъ Мануиломъ, рѣшились выдержать осаду. Они выставили на своихъ стѣнахъ византійское знамя, а на берегъ выслали отрядъ, чтобы препятствовать высадкѣ венеціанцевъ. Последніе съ яростью ударили на дубровничанъ и прогнали ихъ въ городъ; затѣмъ начался приступъ; хотя было уже довольно поздно, но осаждающіе успѣли овладѣть нѣсколькими башнями и частію стѣнъ. Окончаніе дѣла было отложено до утра. Когда на слѣдующій день венеціанское войско готовилось къ послѣдней битвѣ, изъ города явилась къ дожу депутація, состоявшая изъ архіепископа, трибуна Механла, духовенства и власселей. Депутація скорѣе походила на процессію духовную, потому что несла съ собою почти всю дубровницкую святыню; стоя на колѣнахъ, пришедшіе просили у дожа пощады городу. Дожъ не могъ устоять передъ святыней, и по совѣту своихъ обѣщалъ дубровничанамъ миръ, который, однакожъ, состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣ жители, начиная съ двѣнадцати-лѣтнаго возраста, должны принести присягу настоящему дожу и его наслѣдникамъ по власти. 2) Часть стѣнъ, а также укрѣпленія, сдѣланныя греками, должны быть разрушены. 3) Жители клянутся, что ихъ архіепископъ навсегда будетъ подчиненъ патріарху венеціанскому, если только на это согласится папа. Тамъ записана осада Дубровника современнымъ составителемъ альтинатской хроники

(Arch. stor. Ital. VIII, 165), откуда была внесена Андреем Дандоло в его хронику (Mur. XII, 294, В. С.). Райнеръ Цане былъ оставленъ въ Дубровникѣ венеціанскимъ намѣстникомъ. Затѣмъ Ваталя Микеле II, такъ звали дожа — завоевателя Дубровника, отправился въ Архипелагъ, но тамъ былъ обманутъ греками, лишился большей части своего флота, и, по возвращеніи въ Венецію, былъ казненъ (1156—1172). Въ дубровницкихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ эта осада Дубровника представляется иначе. Сладичъ, въ III главѣ своей диссертациі (у Мак. 435), совершенно отвергаетъ существованіе такого факта. Доказательства его состоятъ въ томъ, что 1) архіепископъ дубровницкій никогда не былъ подчиненъ патриарху венеціанскому, а 2) въ венеціанскихъ памятникахъ есть такія данныя, которыя приписываютъ войну съ Мануиломъ другимъ дожамъ, жившимъ ранѣе Ваталя Микеле II; напр. на гробѣ дожа Доменико Микеле сохранилась надпись, въ которой онъ названъ ужасомъ императора Мануила; эта надпись, конечно, сдѣлана современниками, вскорѣ по смерти дожа; она выдумана, ибо Доменико Микеле умеръ за 23 года до начала царствованія Мануилова. Отсюда онъ заключаетъ, то всѣ венеціанскіе источники объ осадѣ Дубровника въ 1171 году ложны. Но противъ перваго положенія Сладичева должно замѣтить, что подчиненіе дубровницкаго архіепископа венеціанскому патриарху въ договорѣ было поставлено въ зависимость отъ папы; значитъ, если подчиненія не было, то не было на то согласія папскаго. Но что такое условіе въ договорѣ находилось, это доказали Манзи, Угелли, и Колетти (Ист. Sacrum; VI, 79). Что же касается до втораго положенія, то Сладичу сначала слѣдовало бы показать, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, когда и по чьему распоряженію была сдѣлана надпись, найти для нея какія-нибудь серьезныя основанія, дабы придать ей значеніе, равное съ замѣтками лѣтописными, современными самому описываемому событію, опровергнуть точными доказательствами эти послѣднія данныя. Лѣтописцы дубровницкіе совсѣмъ не знаютъ этого событія. Растичъ, въ третьей книгѣ своей исторіи, утверждаетъ что дубровничане со славою отбили венеціанскій флотъ; а потомъ, видя, что императоръ Мануилъ въ рѣшительную минуту не прислалъ имъ помощь, отпали отъ него, и предались Вильгельму Сицилійскому въ 1173 г. (въ извл. Пулич. 21 стр.). Но чтобы

видѣть, какъ далеко зашли дубровничане въ своемъ патриотизмѣ, стоитъ только обратиться къ договору, заключенному между Венеціей и Вильгельмомъ въ 1175 году. Здѣсь мы читаемъ: „мы, т. е. Вильгельмъ, обязуемся не нападать на земли, которыя находятся подъ державою дожа и Венеціи, именно отъ Дубровника до Венеціи (Rad. V, 82)“.—Такимъ образомъ завоеваніе Дубровника Венеціей остается фактомъ несомнѣннымъ. Первая попытка дубровничанъ отдѣлаться отъ Венеціи не удалось. Но гораздо счастливѣе была вторая попытка,—отдаться подъ власть сицилійскому королю, только не въ 1172 году, какъ думалъ Растичъ, а лѣтъ четырнадцать спустя.

Послѣ казненнаго Виталия Микеле II, дожемъ былъ избранъ семидесятилѣтній Себастіано Ціани (1173—1192), *varientior et legatior*, по замѣчанію Дандоло,—но при томъ отличавшійся особеннымъ усердіемъ къ религіи. Главною заботою его, по принятіи правленія, было устроить крестовый походъ. Заключивъ въ 1176 году мирные договоры съ императоромъ Мануиломъ и королемъ Вильгельмомъ, Ціани принялся въ осуществленіе своей главной цѣли—приготовленія въ крестовому походу, и среди нихъ упустилъ изъ вниманія государственныя дѣла. Впрочемъ ему сочувствовали всѣ венеціанцы, хотя съ другими цѣлями, въ видахъ распространенія своего вліянія и своей торговли на Востокъ. Известно, какъ въ 1205 г. они закончили свои крестопосныя стремленія.—Но когда Венеція устремляла свое вниманіе на Востокъ, сосѣди ея, венгры и сицилійскіе норманны, съ такою же жадностію захватывали ея владѣнія въ Далмаціи.

Первые слѣды норманнскаго владычества въ Дубровникѣ относятся къ 1187 году. Заключая въ этомъ году договоръ съ сербскимъ княземъ Стефаномъ Неманемъ, дубровничане назвали свой сенатъ „куріей господина преславнаго короля Вильгельма“, а полномочіемъ въ заключенію договора выставили „здравое повелѣніе и распоряженіе преславнаго государя короля Вильгельма“. Если вѣрить Энгелю (*Geschichte d. Freyst. Ragusa*, стр. 83), то Вильгельмъ поставилъ въ Дубровникѣ свой гарнизонъ, и всѣ дѣла поручилъ своему намѣстнику. Присага данная однимъ изъ этихъ намѣстниковъ въ Дубровникѣ въ 1190 г., при вступленіи въ должность,—это второй памятникъ норманнскаго владычества. Наконецъ, третій памятникъ состоитъ въ договорѣ норманнскаго намѣстника въ Дубровникѣ

вѣ съ княземъ Мираславомъ, братомъ Немани, въ томъ же 1190 году,—salvo juramento domini nostri regis Tancredi, который наследовалъ Вильгельму (Растицъ, въ извл. Пучича, р. 21—22; Кужулевичъ. Арх. югослав. IV, 326). Вотъ всѣ памятники, напоминающіе о власти сицилійскихъ норманнскихъ королей въ Дубровникѣ. Обыкновенно полагаютъ, что сицилійскіе короли владѣли Дубровникомъ съ 1172 по 1192 годъ; но и этотъ небольшой періодъ надо сократить. Мы видѣли, что первый памятникъ этого рода относится къ 1186 г., а отъ 1182 года есть положительное извѣстіе, что Дубровникъ принадлежалъ тогда Венеціи (Murat, XII, 309). Андронинъ, вступившій на престолъ по смерти Мануила, обязался возвратить Венеціи все захваченное у ней его предшественникомъ. Невѣроятно также, чтобы сицилійскіе короли приняли Дубровникъ подъ свою власть ранѣе или въ самомъ 1185 году, когда они въ союзъ съ Венеціей воевали противъ Восточной имперіи. Значитъ, Дубровникъ подпалъ власти сицилійскихъ королей только въ 1186 г., къ которому относится и первое свидѣтельство. А близкія отношенія съ 1192 г. къ Византіи могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ, что Византія смѣнила Сицилію въ Дубровникѣ. Это становится еще болѣе вѣроятнымъ потому, что со смертію Танкреда въ сицилійскомъ королевствѣ начались внутреннія неурядицы и смуты. Такимъ образомъ, на періодъ сицилійскаго владычества въ Дубровникѣ приходится 6 лѣтъ, и потомъ вдвое болѣе на долю византійскаго.

Теперь возвратимся въ Венецію.

Набожнаго дожа Себастіана Ціани, умершаго въ 1178 г., и пробудившаго въ Венеціи мысли о крестовыхъ походахъ, дожемъ сталъ Оріо Малипьеръ (Augustus Mostropetro, 1178—1192), столь же набожный и столь же пылавшій рвеніемъ къ крестовымъ походамъ. Но когда онъ замѣтилъ, что съ однимъ благочестіемъ трудно управлять государствомъ, то удалился въ монастырь, а званіе дожа было возложено на знаменитаго Генриха Дандола (1182—1205). Дандоло не отсталъ отъ двухъ своихъ предшественниковъ; онъ возложилъ на себя крестъ въ 1201 году, но при этомъ у него были совершенно мірскія цѣли. Онъ хотѣлъ воспользоваться крестоноснымъ войскомъ, чтобы на счетъ Венгріи и Византіи вознаградить Венецію за потери въ Далмаціи. Въ слѣдующемъ году Далмація, отнятая у венгровъ, снова принадле-

жала венеціанцамъ. Но Дубровникъ пока упѣлъ, — не потому, чтобы крестоносцы и Дандоло затруднились новой осадой, но потому, что дальнѣйшей войнѣ въ Далмаціи воспротивился папа Иннокентій III, и потому еще, что дожъ считывалъ на большую пожизну со стороны Византіи. Здѣсь уже нѣсколько времени продолжались внутреннія смуты и междоусобія, и одна партія давно уже требовала помощи у папы, Венеціи и императора (Murat. XII; 322, 323). Въ началѣ 1203 года дожъ повелъ крестоносцевъ на Константинополь, и теперь не подѣйствовали на Дандоло ни папскія увѣщанія, ни обещанія, ни угрозы. Расчеты удались въполнѣ; Византія пала, а пятая часть земель византійскихъ и несмѣтныхъ богатства были вознагражденіемъ Венеціи. Но послѣдняя не позабыла и о Дубровникѣ.

Когда венеціанецъ Томасъ Мавроцено, или Морозини, избранный въ латинскіе патріархи Константинополя, отправился къ мѣсту своего назначенія, то ему изъ Венеціи дали флотъ и порученіе возвратять въ повиновенію Дубровникъ. По словамъ Дандоло, патріархъ Томасъ Морозини *Ragusinae urbi, quae Graecorum instinctu jam diu Venetis rebellaverat, bellum intulit; illique de Graecorum diffusi favore civitatem Venetis reddiderunt* (Mur. XII, 332). Изъ этого свидѣтельства мы узнаемъ: 1) взглядъ венеціанцевъ на тогдашнее состояніе Дубровника; они не признавали въ немъ византійскаго владычества, а видѣли одно долговременное возмущеніе противъ Венеціи вслѣдствіе подстрекательства грековъ; и 2) что Дубровникъ и на этотъ разъ былъ покоренъ военной силой. Вышеприведенныя слова Дандоло почти слово въ слово повторяетъ Лоренцо де Моноко (*lib. III, p. 114*) и съ нѣкоторыми подробностями, невыясняющими, впрочемъ, дѣло приводитъ Сабелликъ (*Decad. 1, lib. 8*). Дубровницкіе лѣтописцы, какъ мы и привыкли ожидать, отрицаютъ фактъ въ такомъ видѣ, и передаютъ его иначе, — каждый писатель по своему. Мы впрочемъ передадимъ разсказъ Растича, одного наиболѣе въ этомъ случаѣ умѣреннаго (85—80). По его словамъ въ Дубровникѣ одинъ изъ ректоровъ республики, Даміанъ Іуда, окруживъ себя войскомъ, хотѣлъ сдѣлаться бесмѣннымъ правителемъ. Настала жестокая тиранія. Сами дубровничане не имѣли достаточно ни силъ, ни мужества свергнуть его, и потому обратились за помощію къ венеціанскому флоту, на которомъ плылъ Томасъ Морозини. Послѣдній, сдѣлавъ видѣть Іудѣ,

пригласилъ его въ себѣ на корабль осмотрѣть подарки, назначавшіеся для императора византійскаго Балдуина. Ничего не подозрѣвая, Іуда спокойно отправился на венеціанскій корабль, но тамъ былъ схваченъ и отправленъ въ Венецію, а Дубровникъ, изъ благодарности, принялъ венеціанскаго графа. Таковъ разсказъ Растича. Въ немъ всѣ подробности весьма правдоподобны; даже соблюдена хронологія, что нужно замѣтить, встрѣчается у дубровничанъ довольно рѣдко; его можно бы принять, если бы въ немъ не было замѣтно желаніе и стараніе примирить источниии венеціанскіе и дубровницкіе, при чемъ Растичъ избралъ между ними средній путь, и еслибы не были извѣстны объ этомъ предметѣ другія достовѣрныя данныя, кромѣ Дандоло, Сабеллико и де Монако (Monaco). Въ библіотекѣ Чиванье, въ Венеціи, находится рукописный сборникъ, составленный изъ отрывковъ древнѣйшихъ хроникъ о дѣяніяхъ фамиліи Дандоло. Въ сборникѣ (на стр. 55) находится, подъ заглавіемъ: — завоеваніе Дубровника — извѣстіе, вполне подтверждающее сказанное въ хроникѣ Дандоло. Въ томъ же сборникѣ (стр. 331) помещенъ отрывокъ изъ книги Александра Капелларія съ такимъ заглавіемъ: „Il Campidoglio“, который также подтверждаетъ Дандоло. Оба эти извѣстія принадлежатъ современникамъ. — Кстати замѣтимъ объ Іудѣ. Онъ былъ лицомъ историческимъ, что въ послѣднее время доказано официальными документами. Коррора (Arch. Capit. di Spal. p. 73) въ одномъ памятникѣ вѣнскаго архива, 1221 — 1223 г., нашелъ слѣдующее: „всѣмъ извѣстно, и отъ васъ не утаено, что Іуда, бывший нѣкогда дубровницкій графъ, ни своимъ согражданамъ, ни вамъ, не хотѣлъ давать праваго суда“, — такъ говорили дубровницкіе посланники Сплитскому графу. Въ другомъ памятникѣ венеціанскаго архива (lib. communis f. 45 br. 345) отъ 1226 года, между именами другихъ дубровничанъ, названъ, „Graj filius comitis Jude“. Но сами дубровничане не могутъ съ точностію опредѣлить времени, когда былъ у нихъ этотъ Іуда. Іоаннъ Равеннскій относитъ смерть его къ 1215 г., Растичъ къ 1204; Мавро Орбиллчъ къ 1263, Рацци къ 1263 г., а летописи для ректорства его назначаютъ время съ 1260 — 1263 г. (Макуш. 99—100).

Основанія, на которыхъ Дубровникъ подчинился Венеціи, были слѣдующія: 1) принятіе графа изъ Венеціи; 2) ежегодный платежъ дани; 3) обѣщаніе не заводить торговыхъ

снѣшеній съ Сиріей, съ Египтомъ, вообще съ Востокомъ. Дубровницкія лѣтописи хотя не упоминаютъ о двухъ послѣднихъ условіяхъ, но они несомнѣнно существовали. Когда дожъ Яковъ Тіеполо принимаетъ управленіе венеціанской республики, то присягалъ, что будетъ брать ежегодную дань съ Керса (Cherso) а равно и съ графствъ: Арбы, Дубровника и Сенья, какъ брали предшественники его. А какъ велика была дань съ Дубровника, показываетъ другой документъ отъ 1225 г. (lib. comit. f. 43 br. 349), въ которомъ Маринъ Цена ручается дожу за Іоанна Дандолу, при назначеніи послѣдняго дубровницкимъ графомъ, четырьмястами венеціанскихъ фунтовъ, которые обществу венеціанскому самъ графъ Іоаннъ долженъ *pro salutione comitatus ejus*. Присягу, данную Тіеполо (1228—1249), повторилъ въ такихъ же словахъ Марино Морозини (1249—1252) и Ренье Цено (1252—1268); послѣдній впрочемъ опредѣляетъ при этомъ и количество дани: *libras XX minus soldos IV a communi Ragusii omni anno in festo omnium Sanctorum* (Rad; V, 88, 89. примѣч.). Дандоло такъ выражается объ этомъ предметѣ: „въ четвертый годъ правленія дожа Якова Тіеполо (т. е. въ 1232 г.), дубровничане, которые бунтовались до этого дня, по наущенію славянъ и грековъ, прислали пословъ и возвратились въ подданство Венеціи, обѣщавъ ежегодную дань (Mug. XII, 344)“. Относительно торговли на Востокъ, сохранился слѣдующій любопытный документъ: „1224 года 16 іюля Іоаннъ Вереро изъ Дубровника обѣщаетъ господину дожу, что онъ въ своемъ путешествіи, которое будетъ дѣлать съ своимъ слугою,—въ Александрію или Египетъ не пойдетъ и клянется св. евангеліемъ исполнить это; поручителями за него въ этомъ Петръ Новело, Павелъ Рагузскій и Доминикъ Рагузо (Шафар. Act. Arch. Ven. № DXXV)“. — Наказаніемъ за преступленіе подобное служили—лишеніе имущества, личное наказаніе и отлученіе отъ Церкви. О первыхъ двухъ родахъ упоминается въ вышеприведенномъ же обязательствѣ, взятомъ съ Іоанна Вереро (въ словахъ: *Sub poena talius nris ejus et suae personae*); а относительно третьяго имѣется любопытный документъ ватиканскаго архива, изданный Тейтчеромъ (Mon. vetera Slav. Merid. t. 1, p. 121). Это булла папы Бенедикта XI пріору братьевъ предикаторовъ въ Дубровникѣ, которою папа снимаетъ отлученіе съ дубровничанъ. Марино де Готе, Марино де Гроссе и Юніа

де Волькассо, наложенное на нихъ за то, что они были въ Александріи и тамъ торговали.

Завладѣвъ Дубровникомъ, Венеція начала систематически ослаблять и подавлять его. Въ 1226 году дожъ Петръ Ціани, приказывая въ точности исполнять всѣ предписанія изъ Венеціи и указывая при этомъ, кто изъ дубровичанъ долженъ прибыть въ Венецію въ качествѣ заложниковъ, заключаетъ такимъ образомъ: „мы также хотимъ и повелѣваемъ, чтобы всѣ баллисты (метательныя орудія), которыя у васъ находятся, вы прислали намъ безъ замедленія. Также предписываемъ и повелѣваемъ, чтобы вы не ходили въ земли нашихъ враговъ и не имѣли съ ними никакихъ торговыхъ отношеній (*Liber comm. f. 45, br. 375; Шаф. Act. Ven. Arch. № 526*)“. Въ томъ же году дожъ постановилъ: „никто изъ венеціанъ не долженъ принимать въ домъ своемъ никакого дубровничанина, и даже товары дубровницкіе, если въ первый или во второй день не извѣститъ о томъ намѣстника дожева въ Венеціи; въ противномъ случаѣ платитъ штрафъ 30 фунтовъ, 12 солидовъ, или вдвое, если дубровничанинъ долженъ заплатить двойной штрафъ по существу своихъ товаровъ“ (*Шаф. ibid. № 530*). Въ слѣдующемъ году дубровничане обязаны были платить 40% съ товаровъ, привозимыхъ изъ славянскихъ земель (*ibid. 532*). Такія требованія со стороны Венеціи, конечно, были очень тяжелы; поэтому само собою понятно, что дубровничане не имѣли никакихъ особенныхъ желаній исполнять ихъ. Къ тому же, славяне и греки постоянно возбуждали ихъ противъ Венеціи (*Mur. XII, 347*). Дубровничане, однакожъ, вели себя сдержанно, пока въ политическомъ мірѣ имъ ничего не благопріятствовало. Когда же въ 1228 году вспыхнуло на островѣ Критѣ возстаніе противъ Венеціи и, будучи поддержано никейскимъ императоромъ Іоанномъ Ватацемъ, продлилось до конца 1232 года, тогда и Дубровникъ рѣшился прекратить всякія связи съ Венеціей. Намѣстникъ венеціанскій былъ въ 1231 году изгнанъ. Но вскорѣ послѣ того утихло критское возстаніе и дубровничане, опасаясь за цѣлость города, добровольно подчинилась ненавистному игу и обязались—своего архіепископа подчинить венеціанскому патріарху, платить обычную ежегодную дань, и быть врагами пиратовъ и враговъ Венеціи (*Murat. XII, 347*). Черезъ три года снова повторилось такое же и отпаденіе и затѣмъ новое подчиненіе Дубровника, вы-

званное войнами между Венеціей и Ватацемъ. Съ 1237 года до 1358 года Дубровникъ твердо уже старался соблюдать свои обязательства къ Венеціи. Только побѣды Людовика Великаго, короля венгерскаго, заставили венеціанскую республику отказаться отъ владычества надъ Дубровникомъ и Далмаціей. По мирному договору, заключенному въ Задрѣ 1358 г., весь далматскій берегъ со всѣми островами до Дурацца отходилъ къ Венгрии (Ив. Кукул. *Jura regni Croat. Dalmat. et Slav. pars I*, 127—130). Со времени венгерскаго владычества, для Дубровника наступаетъ эпоха наибольшаго развитія могущества и богатства этой республики.

Владычество Венеціи надъ Дубровникомъ продолжалось, какъ мы видѣли, въ продолженіи 360 лѣтъ, съ 998 по 1358 г. Но отсюда слѣдуетъ еще исключить 19 лѣтъ, когда Дубровникъ признавалъ власть Сициліи и Византіи (1186—1205 г.). Нельзя сказать, чтобы во весь такой промежутокъ времени власть Венеціи всегда стояла по отношенію къ Дубровнику на одной и той же высотѣ. Напротивъ, она развивалась постепенно и представляетъ, во всякомъ случаѣ, два періода своего роста: первый до 1171 года, и второй послѣ него до конца владычества. Между ними замѣчается то главное различіе, что въ первомъ періодѣ венеціанцы были въ Дубровникѣ вассалами византійскихъ императоровъ, а во второмъ періодѣ—полномочными владыками.

Припомнимъ, что когда Венеція приобрѣла въ первый разъ господство надъ далматскимъ берегомъ и Дубровникомъ, то она получила все это отъ византійскихъ императоровъ въ *dominium* (Dand. у Mur. XII, 227, A), и вмѣстѣ съ этимъ дожъ принималъ титулъ *dux Dalmatiae*. Отсюда должно заключать, что новыя приобретенія не имѣли тѣсной государственной связи съ Венеціей и представляли особое цѣлое. Это было *ducatus*, княжество, а дожъ былъ въ немъ княземъ. Мы полагаемъ, что византійскіе императоры уступили эти земли венеціанцамъ съ цѣлью защиты этихъ мѣстъ, не отказываясь впрочемъ отъ верховнаго права на нихъ. Такая политика была въ Византіи обычная. И если она не подтверждается официальными документами, то доказывается множествомъ этого рода примѣровъ. Уже Константинъ Великій принималъ цѣлыя толпы варваровъ и поселялъ ихъ на границахъ имперіи для защиты внутреннихъ областей отъ нашествій прочихъ варваровъ. Такъ при немъ

были приняты скифы и сарматы. Послѣ него на такихъ-же условіяхъ поселены были по Дунаю готы, которые, впрочемъ, чрезъ нѣсколько времени совершенно отказались повиноваться императорамъ. Особенное развитіе подобная раздача земель получила со времени Ираклія, который пригласилъ сербовъ и хорватовъ поселиться на балканскомъ полуостровѣ, вступить въ подданство имперіи и защищать ея границы. Съ этою же цѣлью отдавалъ Никифоръ Фока болгарскую землю русскому князю Святославу. На такихъ же правахъ получила и Венеція далматское побережье. Это сознавали очень хорошо и дожи и императоры. На этомъ основаніи Виталий Фальеро просить у Алексѣя Комнина новаго подтвержденія своихъ правъ на Далмацію, Кроацію и острова. Изложивъ этотъ фактъ, Дандоло прибавляетъ: „Дождь зналъ, что они принадлежатъ къ имперіи Константинопольской; Далмація есть первая провинція Греціи и до времени императоровъ Константина и Василия ею владѣли короли и герцоги, управляя, однакожь, имепемъ имперіи“ (Murat. XII, 250). Когда по смерти Алексѣя, престолъ занялъ сынъ его Калоіоаннъ, дождь Доминикъ Микеле и у него ищетъ подтвержденія права на земли, уступленныя Венеціи его отцомъ. Калоіоаннъ долго не соглашался на это, увѣрая, что потерялъ бумагу отца, но предъ концемъ своей жизни все-таки удовлетворилъ требованію дожа. Когда при началѣ царствованія Мавуила, Рожеръ сицилійскій завоевалъ нѣсколько мѣстъ въ южной Греціи, то императоръ, требуя помощи у венеціанъ, послалъ имъ хрисовулъ, подтверждавшій то, что имъ дали его отецъ и дѣдъ. Но спустя немного, потребовали у Венеціи обычныхъ субсидій и, получивши отказъ, Мавуиль отнялъ у нея вассальныя права въ Далмаціи и Дубровникѣ, и присоединилъ эти земли къ имперіи (Mur. XII, 291, XIV; 292, XIX). Но тогда Венеція приобрѣла далматское побережье силою оружія, какъ мы видѣли выше.—Какъ вассалы, подручники византійскаго императора по владѣнію далматскими городами, дожи, кажется, числились въ византійскихъ придворныхъ спискахъ и получали разные знаки отличія по мѣрѣ своихъ услугъ для имперіи. Такъ дожъ Іоаннъ Урсеоло получилъ титулъ патриція отъ императора Василия II (Mur. XII, 233, XIV). Доминикъ Сильвіо носилъ титулъ протопроедра, данный ему императоромъ Михайломъ (ibid. 247) Алексѣй Комнинъ къ дожскому титулу Виталия Фальеро присоединилъ званіе императорскаго

протосебастоса (ibid. 250). Послѣ сказаннаго, не покажется удивительнымъ, встрѣтить въ 1033 году дубровничанъ, находившихся подъ владычествомъ Венеціи, въ войскахъ византійскихъ императоровъ; это вполне сообразно съ юридическими отношеніями Дубровника къ Венеціи и Византіи.

Завоеваніе Дубровника въ 1171 и 1205 годахъ создало второй періодъ венеціанскаго владычества въ Дубровникѣ, когда онъ сталъ полной собственностью Венеціи. Сущность новыхъ отношеній, возникшихъ въ этомъ періодѣ, была не многосложна. Она состояла: 1) въ присягѣ всѣхъ дубровничанъ, начиная съ 12-лѣтняго возраста, дожу и Венеціи, 2) въ ежегодной дани въ опредѣленномъ количествѣ, 3) въ подчиненіи архіепископа дубровницкаго венеціанскому патриарху и 4) въ принятіи намѣстника изъ Венеціи. Такъ было опредѣлено непосредственно за завоеваніемъ Дубровника. Третье условіе, впрочемъ, не соблюдалось, потому что соблюденіе его было поставлено въ зависимость отъ папскаго согласія, котораго, вѣроятно, никогда не было, о чемъ должно заключать изъ того, что до насъ не дошло никакихъ слѣдовъ его. Но степень зависимости была опредѣлена, главнымъ, образомъ, четырьмя договорами, или вѣрнѣе, грамотами, данными Венеціей Дубровнику въ разные промежутки періода 1232—1252 года.

Всѣ четыре грамоты не представляютъ ничего существенно различнаго въ своемъ содержаніи: текстъ первой всегда служилъ основаніемъ для каждой новой грамоты и только былъ по мѣстамъ дополняемъ сообразно съ перемѣною нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ. Каждая грамота получала силу только на три года, и настолько болѣе, сколько это будетъ угодно дожу Венеціи *et pactum usque ad tres annos et tantum plus, quantam voluntas domini ducis Venetiarum fuerit, inter utramque partem initam est* (выраженіе, внесенное во всѣ договоры). Самыя грамоты читались такъ, что служили письменнымъ изложеніемъ воли дожа. Во всѣхъ четырехъ грамотахъ въ началѣ, отъ лица дубровничанъ говорится: „мы—цѣлая община города Дубровника—даемъ вамъ полную власть и силу, и что вы скажете, сдѣлаете, или постановите, или опредѣлите съ господиномъ нашимъ, дожемъ Венеціи и его сенатомъ, то и мы будемъ считать твердымъ и всегда имѣющимъ силу закономъ“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе статей, которое начинается словами: „господинъ дожъ, снисходя къ просьбѣ ихъ (т. е. дубровничанъ), поста

новилъ слѣдующее...“ И вотъ главнѣйшее содержаніе всѣхъ четырехъ грамматъ: 1) Венеція посылаетъ въ Дубровникъ своего графа, который наблюдаетъ за исполненіемъ граммати. 2) Архіепископъ дубровницкій всегда избирается въ Венецію, и если господинъ дожъ получитъ согласіе господина пана, дабы дубровницкое архіепископство было подчинено церкви градской (венеціанской патріархіи), то избраніе утверждается патріархомъ градскимъ и избранный посвящается, взаменъ чего архіепископъ дубровницкій обѣщаетъ патріарху вѣрность, почитеніе и должное повиновеніе. Кромѣ того, архіепископъ приноситъ еще присягу господину дожу и его преемникамъ на вѣрность. 3) Клырь же трижды въ годъ,—на Рождество, на Пасху, и въ день Св. Власія (покровителя Дубровника)—возглашаетъ въ главной соборной церкви многолѣтіе господину дожу, господину патріарху, своему архіепископу и графу и за это получаетъ три шперпера, одинъ отъ насъ дожа, другой отъ архіепископа, а третій отъ графа. 4) Графа дубровничане всегда получаютъ отъ Венеціи, по назначенію дожа и большинства совѣта; графъ приноситъ присягу на вѣрность дожу и его наслѣдникамъ по власти, для соблюденія обоюдныхъ выгодъ Венеціи и Дубровника; онъ приноситъ также присягу и Венеціи въ ненарушимомъ охраненіи ея интересовъ. 5) Если господинъ дожъ приблизится когда къ предѣламъ Дубровника, то граждане принимаютъ его съ приличными почестями, равно какъ и посланниковъ его; если дожъ пожелаетъ остановиться въ дворцѣ архіепископа, то дворецъ уступается ему безпрекословно; если же онъ не захочетъ останавливаться въ немъ, то назначается ему, равно какъ и его посланникамъ другой домъ, приличный ихъ сану. 6) Если Венеція пошлетъ войско къ восточному берегу адріатическаго моря, то и Дубровникъ посылаетъ туда войска въ размѣрѣ одной тридцатой части дѣйствующихъ силъ отправленныхъ изъ Венеціи, и при этомъ дубровничане во время войны входятся въ полное распоряженіе Венеціи,—*in servitio Venetiae*. 7) Со всѣхъ иностранныхъ кораблей, приходящихъ въ дубровницкій портъ, дубровничане берутъ такую пошлину, какую берутъ венеціанцы въ подобномъ случаѣ и дѣлятъ ее на три части, одна идетъ архіепископу, другая графу, а третья дубровницкому обществу. 8) Всѣхъ друзей Венеціи Дубровникъ считаетъ своими друзьями, и враговъ ея—своими врагами; онъ также не принимаетъ Каднаковъ и Оми-

нанъ *Sacichios et Dalmecanos*) (племени предпріятческаго прибрежья, занимавшіхся пиратствомъ), ни другихъ бродягъ, — разбойниковъ и грабителей, — ни въ своихъ стѣнахъ, ни въ своемъ оуругѣ, и не даетъ имъ никакихъ даней. И если Венеція пошлетъ противъ нихъ свой флотъ, то Дубровникъ посылаетъ также судно съ пятидесятью прилично вооруженными людьми. Вообще, со всѣми пиратами Дубровникъ ведетъ войну безъ хитрости и лукавства. 9) Ежегодно въ праздникъ всѣхъ Святыхъ Дубровникъ платитъ: регалій дожу 12 гипернеровъ, обществу венеціанскому въ Венеціи 100 гипернеровъ старымъ золотомъ настоящей цѣнности, и своему графу такую же монетой — 400 гипернеровъ съ общества, и всѣ налоги, исключая налога на соль. 10) Дубровникъ ежегодно даетъ Венеціи 12 заложниковъ изъ 12 лучшихъ семействъ, которые на половину содержатся на счетъ Дубровника. Если кто изъ нихъ умретъ, или убѣжитъ, то его замѣняютъ другими. 11) Графъ и всѣ члены Дубровника отвѣчаютъ своей головой за неисполненіе этихъ постановленій до тѣхъ поръ, пока они не будутъ отмѣнены дожемъ и большинствомъ сената. Кроме того, относительно торговли Дубровникъ соблюдаетъ слѣдующее: а) со всѣхъ товаровъ, которые привозятся отъ правителей изъ Византіи въ Венецію, платятся пошлыны пять процентовъ, равно какъ съ товаровъ азіатскихъ и африканскихъ. б) Съ товаровъ сицилійскаго королевства платитъ сороковую часть ихъ стоимости (потому что это были хлѣбные запасы); но если венеціанцамъ будетъ запрещено ходить въ Сицилію и Апулію, то и дубровничане не должны ходить туда. в) Съ товаровъ славянскихъ земель не платятъ никакой пошлыны (въ 1227 году однакожь, славянскіе товары были обложены высокою пошлыною, именно 40%; но это имѣло тогда смыслъ запрещенія, такъ какъ Венеція была во враждѣ съ хорватами). г) Дубровничане должны отправлять въ Венецію каждый годъ не менѣе четырехъ небольшихъ судовъ. е) Дубровничане не должны торговать въ мѣстахъ, запрещенныхъ для торговли дожемъ. ф) Находясь въ Венеціи, дубровничане не торгуютъ съ иностранцами (т. е. не венеціанцами). г) На пути изъ Анконы, или изъ другаго города на южномъ берегу, дубровничане заходятъ въ Венецію только для внесенія пошлыны. — Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе грамматъ. Отъ времени до времени отдѣльные пункты подтверждались новыми предписаніями. Такъ въ 1290

году было снова предписано дубровничанамъ, чтобы они, по силѣ договоровъ, приходили въ Венецію однажды въ годъ на небольшихъ судахъ, но только съ торговою цѣлью. Спустя три года Дубровнику было строго предписано, почему они не вооружили судна, какъ то слѣдовало по договорамъ. Въ 1294 году въ сенатѣ венеціанскомъ было постановлено: „такъ какъ дубровничане медлятъ выполнить договорную статью о вооруженіи судна съ 150 людьми, то съ нихъ будетъ взыскана денежная сумма, потому что они обязаны платить деньги за то время, сколько промедлятъ вооруженіемъ (Rad, V, 97)“.

На основаніи этихъ договорныхъ грамматъ определялись всѣ отношенія между Венеціей и Дубровникомъ. Всякій новый случай подводился къ статьямъ грамматъ и объяснялся изъ нихъ. Какъ и всегда бываетъ, отношенія Дубровника къ владычеству надъ нимъ городу были сначала просты и незначительны; только уже впоследствии они были развиты до необыкновенной точности и мельчайшихъ подробностей. Полное и обстоятельное изложеніе ихъ было бы—съ одной стороны утомительно, а съ другой потребовало бы слишкомъ много времени; по этому мы ограничимся указаніемъ на одни главные черты.

Прежде всего должно сказать, что Дубровникъ находится въ полномъ подчиненіи по отношенію къ Венеціи. Памятники венеціанскіе обозначаютъ это понятіе различными словами, но во всѣхъ нихъ выражается одинъ и тотъ же смыслъ безусловнаго повиновенія. Такъ, въ 1171 и 1205 годахъ дубровничане передаютъ свой городъ Венеціи (Mur. XII, 332. Arch. stor. Ital. VIII, 165); въ 1232 и 1251 они же вряны въ прежнее подданство (*pristina sibijectio*; Mur. XII, 347, 360). Въ грамматахъ они постоянно обязываются соблюдать вѣрность и повиновеніе, просятъ дожа, признавая за нимъ полную власть, дѣлать для Дубровника постановленія, которыя для этой общины исполнѣ обязательны, а дожъ могъ измѣнить ихъ во всякое время, если приобрѣталъ себѣ большинство голосовъ въ большомъ совѣтѣ Венеціи (Rad. V, 115). Сами дубровничане постоянно называются подданными и вѣрными (*subditi et fideles*).

Уже изъ этого одного видно, что Венеція властвовала въ Дубровникѣ также неограниченно, какъ древній Римъ въ своихъ провинціяхъ. Разница заключалась въ томъ, что въ

древнемъ Римѣ каждый проконсулъ предъ вступленіемъ на должность издавалъ свой эдиктъ, въ которомъ развивалъ свой взглядъ на примѣненіе римскихъ законовъ къ провинціи, между тѣмъ какъ Венеція развѣ навсегда опредѣлила свои требованія, оставивъ за собою право измѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ, въ будущее время. Власть Венеціи надъ Дубровникомъ, вслѣдствіе общей системы управленія, сосредоточивалась въ рукахъ дожа и большаго собранія (*Majus Consilium*), а представителемъ ея на мѣстѣ былъ графъ.

Въ договорахъ было ясно опредѣлено, что графъ выбирался въ Венецію, и изъ венеціанъ. Впрочемъ, это не было исключеніемъ для Дубровника, а общимъ правиломъ Венеціи въ дѣлѣ управленія провинціями. Графъ всегда избирался за два года ранѣе, чѣмъ слѣдовало принимать должность, и принималъ присягу въ вѣрности и соблюденіи интересовъ дожа и Венеціи. Когда новый графъ отправлялся на мѣсто службы, то ему давалась особая инструкція (*commissio*), которая часто содержала въ себѣ дополненія къ прежнимъ грамматамъ, полученнымъ дубровничанами изъ Венеціи. Въ актахъ венеціанскаго архива находится много ссылокъ на такія инструкціи (*Rad. V, 98*). Графа избиралъ дожъ съ своимъ совѣтомъ, а иногда и одинъ, что бывало, впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напр. послѣ возмущеній Дубровника. Оттого и титулъ графа выражалъ только зависимость его отъ одного дожа. Вотъ начало одного посланія: „Великолѣпному и высокому нашему господину и отцу, Божіей милостію дожу Венеціи Марино Бадуріо, его повелѣніемъ графа Дубровника“ (*Соп. I, 57*), или: „Мы, Маркъ Цено, повелѣніемъ славнаго господина дожа Венеціи, графъ Дубровника“. По прибытіи въ Дубровникъ, графъ принималъ новую присягу. Текстъ дубровницкой присяги представляетъ любопытныя данныя. Въ ней графъ обѣщается: 1) управлять ввѣреннымъ ему городомъ, какъ того требуетъ достоинство дожа и Венеціи; 2) взимать съ Дубровника дань въ такомъ количествѣ, въ какомъ всегда брали ее прежніе графы въ Дубровникѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ; 3) давать всѣмъ справедливы судъ и 4) вмѣстѣ съ большимъ совѣтомъ, который сходится по звуку колокола, злые обычаи въ городѣ истреблять, а добрые возвращать (эта присяга составляетъ первую статью II книги статута Дубровника; у *Мак. 154—155*). Изъ этого довольно ясно, можно составить себѣ понятіе о пра-

нихъ и обязанностяхъ венеціанскаго графа въ Дубровникѣ. Для Дубровника онъ будетъ тоже, что для самой Венеціи былъ дожъ: всѣ военныя дѣла, внѣшнія сношенія, назначенія и смѣна должностныхъ лицъ, верховный судъ, право созывать и прекращать засѣданія въ большемъ и маломъ совѣтахъ и представленіе рѣшеній ихъ на утвержденіе Венеціи,—все это составляло прямыя обязанности графа (онѣ составляютъ содержаніе первой книги статutowъ Дубровника; у Макуш. 151—155; въ сожалѣнію, г. Макушевъ, за исключеніемъ 1-й ст., привелъ одни оглавленія). Онъ имѣлъ полную власть не только надъ дубровничанами, но и венеціанцы, проживавшіе въ Дубровникѣ, подлежали его вѣдѣнію (Engel. стр. 303).

Графу давали изъ Венеціи на помощь сначала одного, а потомъ двухъ, товарищей и секретаря. Въ 1256 году большимъ совѣтомъ въ Венеціи было прямо постановлено, чтобы графъ имѣлъ двухъ товарищей на должности (*Lib. comm.* стр. 187). Въ статутѣ Дубровника (II кн. ст. II) есть даже особая присяга *militum sive sociorum D. comitis*. Она почти та-же, что и графская; вся разница заключается въ примѣненіи къ другому лицу. Такъ онъ, т. е. товарищъ, обязывается давать совѣты, если ихъ потребуетъ графъ, подобно требованіямъ ненарушимаго достоинства дожа и графа; обязуется нести свою должность только до тѣхъ поръ, пока несетъ свою графъ, и когда графъ поручитъ ему свою должность, то обязуется проходить ее согласно съ присягой графа, данной дожу (у Макуш. 155). Статьи 29 и 30 первой книги статutowъ опредѣляютъ права и обязанности товарищей графа. О секретарѣ имѣется слѣдующая замѣтка въ концѣ одного документа: „при этомъ присутствовалъ, и по пресѣбѣ написалъ и скрѣпилъ Томазій де Савере, сенатскою и дожиною властію венеціанскій нотарій и секретарь Дубровника“ (*Rad. V*, 98). Но за то есть много мѣстъ въ самихъ статутахъ, гдѣ говорится о куріи, въ которой графъ производилъ свои дѣла, по преимуществу судебныя; напр. такова почти вся третья книга статutowъ, гдѣ постоянно встречаемъ: *Comes cum sua Curia* и т. д.

Предѣлы графской власти были довольно ограничены; его распоряженія и рѣшенія имѣли окончательную форму въ тѣхъ только случаяхъ, на которые онъ имѣлъ полномочіе или въ своей инструкціи, или же въ особыхъ порученіяхъ.

Всѣ же остальные дѣла получали силу только тогда, когда были утверждаемы большимъ совѣтомъ Венеціи. Въ венеціанскомъ архивѣ есть особый разрядъ документовъ за 1325 годъ; озаглавленныхъ такимъ образомъ: отвѣты, данныя дубровницкому посольству, и исправленіе нѣкоторыхъ неправильныхъ постановленій Дубровника (Rad. V, 102). Ниже мы приводимъ въ переводѣ замѣчательное прошеніе графа дубровницкаго дожу Венеціи: „Свѣтлѣйшему и великоблгочестному господину нашему Джіоранни Сарандо, Божіею милостію дожу Венеціи, Далмаціи и Кроаціи и проч.—Паоло Тревизано, его повелѣніемъ графъ Дубровника, судьи, члены совѣтовъ и вся община, ваши вѣрноподданные. Хотя наши дѣла и не вполне соответствуютъ высокимъ обязанностямъ, съ давняго времени возложеннымъ на насъ дожескою властію, однако мы всегда съ совершенною готовностію стараемся объ исполненіи своего долга. По этому, что бы при такой преданности и давнишней вѣрности нашей мы не совершали чего-нибудь, отступающаго отъ нашего долга,—то мы единодушно просимъ, чтобы тѣ условія, распоряженія, исправленія и постановленія, которыя были объявлены намъ чрезъ Джіованни Калворино, нотарія вашего дожскаго двора, вы приказали употреблять для руководства въ дѣлахъ, дабы это послужило въ чести, пользѣ вашего города Дубровника“ (Самм. III, 20). Приведенное прошеніе всего лучше показываетъ, что хотя Дубровникъ имѣлъ свои учрежденія, но они не имѣли никакого значенія, были совершенно лишены смысла въ администраціи и власти (Dagu. Hist. de la républ. de Ven. V, 479). Община должна была, какъ милости, выпрашивать у Венеціи, чтобы она дала своей просительницѣ законы, и дала опять-таки для того, чтобы община не погрѣшила въ чемъ противъ Венеціи. Униженное состояніе! На этомъ основаніи Венеція постоянно вмѣшивается во внутреннія дѣла Дубровника, или, вѣрнѣе, не вмѣшивается въ нихъ, а распоряжается ими. Въ 1340 году въ большомъ совѣтѣ венеціанскомъ было рѣшено, что онъ вслѣдствіе прошенія дубровницкаго графа, дозволяетъ флорентинцу Летарю жить въ самомъ городѣ Дубровникѣ (Rad. V, 102). Въ томъ же году Венеція назначаетъ періодъ времени съ 1-го сентября и до ближайшаго дня св. Михаила, въ который дубровничане обязаны сдѣлать поправки и измѣненія въ своихъ статутахъ по тѣмъ указаніямъ, какія имъ сдѣланы уже со стороны Венеціи. Слѣстѣ :

нѣскольکو лѣтъ Венеція дала дубровничанамъ право относительно присужденія къ смертной казни поступать и располагать такъ, какъ имъ угодно, лишь бы это не служило къ нарушенію правъ графа. Такимъ образомъ, самое нелицеудное повидимому распоряженіе, большой совѣтъ Венеціи дѣлаетъ безплоднымъ на дѣлѣ прибавкой статьи о ненарушимости правъ графскихъ (ibid. 103). Едва ли слѣдуетъ говорить здѣсь о тѣхъ карахъ, которыми казнили венеціанцы своихъ ослушниковъ. Уже въ изложеніи граммати содержится особый пунктъ, по которому дубровничане отвѣчали каждый своей головой, въ случаѣ неисполненія ими условій и постановленій граммати. Варварства венеціанскихъ судовъ и безчеловѣчныхъ наказаній слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ.

Но какъ сильна была опека Венеціи надъ Дубровникомъ въ дѣлахъ внутреннихъ, въ такой же мѣрѣ велика она была и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Венеція на себя приняла защиту и представительство интересовъ Дубровника при дворахъ иностранныхъ. По свидѣтельству Растича (113—123), дубровничане жалуются Венеціи на сербскаго короля Стефана Уроша въ 1252 году. Дожъ Марино Морозини приказалъ дубровницкому графу отправиться по этому дѣлу въ Сербію для личныхъ переговоровъ съ краемъ; но графъ будто бы струсилъ. Такая же ссора произошла между дубровничанами и Стефаномъ Урошемъ въ 1265 г. Дубровничане опять обращаются къ Венеціи, хотя дѣло уладилось и безъ ея дѣятельнаго участія. Гораздо дѣйствительнѣе было участіе Венеціи въ другихъ дѣлахъ. Въ 1290 г. дубровничанинъ Марино де Маньоне получилъ по ея требованію отъ сицилійскаго пранительства тысячу унцій золота за судно, отнятое у него сицилійцами около тунисскихъ береговъ. Въ 1301 г. Венеція отправила къ упомянутому уже сербекому краю особое посольство, которое разобрало споры его съ Дубровникомъ и заключило съ нимъ договоръ. Но Стефанъ Урошъ придавалъ этому трактату не особенно важное значеніе, потому что вскоре снова началъ вражду противъ Дубровника, опустошалъ его округъ и захватывать земли. Тогда въ 1317 году Венеція чрезъ новое посольство потребовало у краля сербскаго удовлетворенія строгимъ тономъ, объявивъ ему, что дубровничане подданные Венеціи и что обиды, сдѣланныя имъ, наносятся самой

Венеціи. Сербскій краль и на этотъ разъ унизся, но не надолго. Въ 1326—1328 годахъ онъ снова началъ опустошать округъ Дубровника. Тогда и дѣйствія венеціанскаго посла, отправленнаго въ Сербію, сдѣлались такъ настойчивы и строги, что онъ выхлопоталъ дубровничанамъ полное вознагражденіе и заключилъ мирный договоръ (Mikl. Mon. Serb. 146). Пожалуй, укажемъ еще на то, что Венеція въ 1340 году приказала своему посланнику въ Византіи требовать возвращенія имущества, принадлежавшаго какому-то умершему въ Константинополѣ дубровничанину.

Но и кромѣ этого Венеція приняла на себя, надо сознаться, довольно трудную обязанность разбирать распри Дубровника съ другими городами, подвластными венеціанской республикѣ. Изъ этомъ отношеніи можно указать на то, что въ венеціанскомъ архивѣ отъ 1328 г. осталось цѣлое дѣло по поводу вопросовъ, касающихся городовъ Задры и Дубровника. Спустя нѣсколько времени Венеція разбирала распрю между Дубровникомъ и однимъ графомъ, которому писала при этомъ, что если онъ имѣетъ что, то долженъ былъ доносить въ Венецію (Rad. V, 101). А въ 1288 году венеціанское правительство постановило, чтобы ни венеціанцы, ни дубровничане не давали въ кредитъ купцамъ изъ Котора (Каттаро). Точно также, если случались какія нибудь распри у дубровничанъ съ своимъ графомъ, то и тутъ, и конечно по своей прямой обязанности, Большой совѣтъ и дожъ Венеціи старались разбирать тяжбы и распри. Однажды, напр. въ 1294 году, вышло столкновеніе между общиной и графомъ въ Дубровникѣ по поводу сборовъ, на нѣкоторую часть которыхъ графъ имѣлъ право, а община тому противилась. Въ Венеціи было рѣшено, чтобы обѣ стороны прекратили тяжбу и графъ взялъ свою часть (ibid. 101). Подобная же тяжба вышла въ 1308 году между графомъ и островомъ Ластовымъ, принадлежавшимъ къ Дубровнику, послѣ того, какъ жители Ластова отказались платить дань на пользу графа и его намѣстника. Тяжба кончилась тѣмъ, что Венеція приказала островитянамъ платить графу ежегодно восемь фунтовъ и XV солидовъ, а намѣстнику 60 гиперверовъ (ibid). Вообще, выходила-ли у Дубровника ссора съ иностранными правительствами, или съ городами, подвластными Венеціи, или же съ графами подобныхъ городовъ, или же, наконецъ, выходили недоумѣнія съ собственными графами,—во

всѣхъ случаевъ дѣла отдавались на судъ дожа и большаго совѣта Венеціи, прѣсудъ не всегда былъ безпристрастенъ. Та изъ тяжущихся сторонъ, которая въ предыдущія времяна оспаривала Венецію болѣе вѣрности и преданности, всегда получала преимущество и въ судѣ, и въ большей свободѣ управленія. (Dagb. Hist. de la republ. de Ven. V, 482).

Венеція никогда не держала постоянныхъ гарнизоновъ въ подвластныхъ ей мѣстахъ; этия объясняются отчасти быстротою и какъ бы непредвидѣнными отпаденіями городовъ отъ Венеціи. Но чтобы имѣть болѣе близкій надзоръ и великую силу на всякій случай подъ руками, Венеція во многихъ городахъ учреждала морскіе арсеналы. Такъ было и въ Дубровникѣ. Въ немъ никогда не бывало венеціанскаго гарнизона, исключая тѣхъ случаевъ, когда дубровничане сами просили у Венеціи войскъ по случаю своихъ войнъ съ сербскими кралами. Но за то въ Дубровникѣ былъ морской арсеналъ и военная гавань Венеціи; въ немъ хранились въ складахъ множество военного оружія и запасовъ, и сохранялись матеріалы для постройки, поправки и укомплектованія военныхъ кораблей. Въ 1286 г. въ Дубровникъ было отправлено два корабля, съ тѣмъ, чтобы дубровничане держали ихъ у себя для преслѣдованія Османъ и другихъ злодѣевъ (M. C. lib. 204). Въ 1328 году изъ Венеціи было предписано, чтобы секретарь дубровницкой общины завѣдывалъ венеціанскимъ складомъ военныхъ запасовъ въ Дубровникѣ; а въ слѣдующемъ году послѣдовала приказъ о формальномъ открытіи въ Дубровникѣ арсенала, при которомъ бы сохранялись военные суда и галеры (lib. capit. III, 21). Сохранился приказъ, данный въ 1337 году капитану Виадру, чтобы онъ отправлялся въ Дубровникъ для починки своего корабля. Приведемъ еще одинъ фактъ, въ 1339 году дожъ торопилъ дубровничанъ, чтобы они скорѣе кончили вооруженіе начатаго судна, и принималось бы за другое (Mist. XVIII, 66). Этого достаточно, чтобы видѣть какими тѣсными узлами былъ прикованъ Дубровникъ къ Венеціи. Въ его гавани всегда находилось нѣсколько военныхъ венеціанскихъ кораблей, которые служили для него своего рода прозою, между тѣмъ русскіе дубровничане ежедневно работали въ гавани, вооружая и поправляя флотъ своей республиканской Венеціи. Къ концу втораго періода венеціанскаго владычества въ Дубровникѣ, жители послѣдняго настолько привыкли и сжились съ своимъ по-

положеніемъ, что Венеція стала поступать съ ними довольно без-
перемонно. Такъ, когда въ 1345 году возмущилась противъ Ве-
неціи Задра, дожъ приказалъ дубровничанамъ вооружить
двойное противъ обыкновеннаго число людей, и половину от-
править подъ Задру къ венеціанскому войску (Rad. VII, 187,
прим. 1). Но это была уже послѣдняя служба.

Нельзя не согласиться, что при такихъ отношеніяхъ
вліяніе Венеціи на развитіе общественной жизни должно бы-
ло имѣть огромное вліяніе. Это замѣтно въ Дубровникѣ на
каждомъ шагѣ; все въ немъ или было заимствовано изъ Ве-
неціи, или передѣлано на ея ладъ. Каждый городъ, подчи-
ненный Венеціи, организовывалъ свою администрацію по об-
разцу митрополіи и по ея же образцу каждый городъ раз-
вивалъ свои учрежденія (Daru. Hist. de la républ. de Ven.
V, 479). О позднѣйшемъ періодѣ венеціанскаго владычества
въ этомъ отношеніи, конечно, нечего и говорить: тутъ Ве-
неція могла и имѣла право силою принуждать Дубровникъ
къ принятію венеціанскихъ формъ правленія и государствен-
наго устройства. Но сказанное выше положеніе имѣетъ та-
кую же силу и для перваго періода венеціанскаго владыче-
ства. Тутъ причина вліянія Венеціи была другая она за-
ключалась въ средствѣ первоначальнаго устройства обоихъ
городовъ. Дубровникъ видѣлъ въ венеціанскомъ внутреннемъ
стройѣ свое родное, но только болѣе развитое, и потому не
могъ не заимствовать его. Чтобы вполне разъяснить это,
должно сдѣлать отступленіе и обратиться къ раннимъ вре-
менамъ, такъ сказать ко дню рожденія обоихъ городовъ.

Сохранился документъ отъ 421 года, по которому Ве-
неція представляется ничѣмъ инымъ, какъ колонією римска-
го города Падуи. Въ документѣ читаемъ: „въ лѣто отъ Р. Х.
CCCCXXI... во время управленія господъ консуловъ, Галіана
изъ Фонтаны, Симеона изъ Главконій и Антонія Кальва, въ
царствованіе Гонорія и Θεодосія, сына Аркадія, консулы,
сенатъ и избраніе изъ лучшихъ людей города Падуи (Pa-
dovienſium) постановили: построить городъ на Риволтѣ и со-
брать туда же жителей околележащихъ острововъ, держать
тамъ вооруженный флотъ, чтобы имѣть убѣжище отъ напа-
деній враговъ...; ибо готы и провинцію опустошили и къ
городу подошли, разоряя его“ (Daru. Hist. de la républ. de
Ven. I, 21—22, прим. 2-е). Колонисты принесли съ собою въ
основанный городъ тѣ самые порядки, которые были въ де-
т-

рошоліи; это было римское городское устройство: консулы, сенатъ и курія. Въ этомъ уже видны зародышъ внутренняго строя будущей венеціанской республики. Съ теченіемъ времени первоначальное римское устройство измѣнилось такимъ образомъ: вмѣсто консуловъ явились сначала трибуны, а потомъ дожи; курія получила названіе *Consilium Majus*, большой совѣтъ; сенатъ остался съ такимъ же названіемъ; затѣмъ къ этимъ двумъ—были присоединены: меньшій совѣтъ, *Consilium Minus* (въ нач. XIV в.), совѣтъ сорока (нач. XIII в.), совѣтъ дожа (XIV в.), и наконецъ государственная инквизиція (1454 г.); изъ должностныхъ лицъ кромѣ дожа, особенно важенъ прокураторъ св. Марка, второе лице въ республикѣ въ концѣ XII в.). При изложеніи правъ и обязанностей этихъ учрежденій, мы будемъ обращать особенное вниманіе только на тѣ изъ нихъ, которыя нашли соотвѣтствующее примѣненіе въ Дубровникѣ.

Дожи въ первую пору существованія этого достоинства (697—1032) были настоящими владыками города; они рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, начальствовали войскомъ, выбирали членовъ совѣта, назначая каждому особое занятіе и даже иногда дѣлали своихъ сыновей или братьевъ своими преемниками, созывали совѣты, имѣли право давать награды, и если нельзя сказать, чтобы они издавали законы, то несомнѣнно, что они были верховными судьями. Затѣмъ до доминанты XIII вѣка дожи успѣли уже потерпѣть нѣкоторое ограниченіе своей власти; такъ имъ стали давать совѣтниковъ; всѣ дѣла дожъ должны были представлять на утвержденіе сената, хотя сенатъ былъ созываемъ дожемъ и сенаторы выбирались по его усмотрѣнію. Дождь не могъ уже называть себя преемникомъ. Наконецъ съ половины XIII в. и до конца республики дожи были уже только первыми сановниками республики: сенатъ, большой совѣтъ, допустивъ наслѣдственныхъ членовъ, захватилъ въ свои руки всю власть. Съ этого времени дожъ обязывался присягой—не стараться объ усиленіи ввѣренной ему власти, хранить государственныя тайны, не читать доносеній пословъ и никакихъ дипломатическихъ бумагъ одинъ безъ своихъ совѣтниковъ, и не отправлять безъ ихъ вѣдома никакихъ депешъ посламъ, не выслушивать безъ совѣтниковъ никакого посла и не давать ему цѣвѣта, своимъ родственникамъ не раздавать ни церковныхъ бенефцій, ни государственныхъ должностей, ни то ни было долж-

ностей, дѣтей своихъ не назначать въ миссіи къ иностран-
нымъ дворамъ, не назначать ихъ избирателями и не полу-
чать никакихъ даровъ. За то онъ былъ обязанъ присутство-
вать на всѣхъ совѣтахъ, участвовать въ большей части це-
ремоній, располагать свое время сообразно постановленіямъ,
и подчиняться имъ даже въ пищѣ и одеждѣ, такъ что онъ
былъ наименѣе свободнымъ членомъ республики. Теперь пе-
рейдемъ къ большому совѣту Венеціи.

Всѣ патриціи, имѣвшіе 25 лѣтъ отъ роду, имѣли право
участвовать въ засѣданіяхъ большаго совѣта съ правомъ го-
лоса; иногда допускались въ совѣтъ даже на 21 году. Большой
совѣтъ собирался каждое воскресенье, подъ предсѣдатель-
ствомъ дожа. Къ кругу обязанностей и правъ большаго со-
вѣта относилось: управленіе государствомъ, вѣшняя и внут-
ренняя политика, утвержденіе законовъ, назначеніе новыхъ
налоговъ, и т. п. Но чтобы его рѣшенія могли имѣть законную
силу, для этого необходимо было, чтобы они имѣли—въ обы-
кновенныхъ дѣлахъ большинство 200 голосовъ, а въ экстрен-
ныхъ случаяхъ 600 голосовъ. Право дѣлать предложенія въ
совѣтъ принадлежало не всѣмъ членамъ, но—1) дожу, 2) не-
сти членамъ совѣта дожа, 3) тремъ начальникамъ въ совѣ-
тѣ сорока, 4) одному изъ трехъ адвокатовъ общины и 5) ми-
нистру морскому и военному. Означенные во 2 и 3 пун-
ктахъ должны были дѣлать предложенія коллективно при
единодушномъ согласіи на него. Когда начинались разсужденія
по поводу военныхъ предложеній, то каждый членъ имѣлъ
право говорить и за и противъ, но непременно на венеці-
анскомъ нарѣчій. Никто не имѣлъ право входить въ совѣтъ
съ оружіемъ; но за то рядомъ съ залой засѣданія находилась
цѣлая арсеналь оружія. Замѣчательно, что прокураторъ св.
Марка не имѣлъ права участвовать въ засѣданіяхъ больша-
го совѣта, и вообще не былъ его членомъ, хотя былъ вто-
рымъ лицомъ въ республикѣ.

Что касается до сената, что члены его сначала заби-
рались самымъ дожемъ, вслѣдствіе чего и назывались *rogati*
или *pregadi* (*Consilium Rogatorum*, *Consiglio dei pregadi*);
но съ теченіемъ времени большой совѣтъ присвоилъ себѣ
право избирать сенаторовъ. Въ сенатѣ, подъ предсѣдатель-
ствомъ дожа, находились: прокураторъ св. Марка, девять
членовъ совѣта дожа, весь совѣтъ десяти, три адвоката об-
щины, два цензора, шестидесять сенаторовъ, избранныхъ

большимъ собраніемъ, шестадесать сенаторовъ — адъюнктовъ, ученики избранныя большимъ собраніемъ, совѣтъ сарова, тринадцать министровъ, пятьдесятъ пять кандидатовъ, избранныхъ большимъ совѣтомъ, посланники, не выѣхавшіе изъ Рима, или уже возвратившіеся; бывшіе подесты: Иерони, Вивенты де Бергамо; и жаконецъ: шестнадцать „ригид’иони“. Изъ кандидатовъ тридцать, и десять изъ „мудрыхъ“ — имѣли только право совѣщательнаго голоса. Предметомъ разсужденій въ сенатѣ было то же, о чемъ говорилось и въ большомъ совѣтѣ: дѣла политическія, война и миръ; трактаты, дипломатическая полиція; и всѣ административныя распоряженія относительно подданныхъ. На это было только обсужденіемъ въ сенатѣ, которое потому поступало въ большой совѣтъ на утвержденіе. Исключительному же вѣдѣнію сената подлежали завѣдываніе палатой, общественныя работы. Для того, чтобы жюри состояло въ засѣданіи сената, необходимо было, чтобы тамъ присутствовало; но вѣрней мѣрѣ, шестьдесятъ членовъ, имѣющихъ право голоса решающаго. Патрицій, имѣющій быть избраннымъ въ сенаторы, долженъ имѣть 40 летъ отъ роду. Право дѣлать предложенія въ сенатѣ принадлежало, принадлежало совѣту дома.

Большой Совѣтъ Сменьшій состоялъ изъ десяти патриціевъ, достигшихъ сорокалѣтняго возраста; и былъ облеченъ властью чрезвычайной, неограниченной — какъ въ правленіи, такъ и въ администраціи. Тайно отъ сената и синьоріи онъ имѣлъ власть вѣчать надъ республикой; но его главнымъ занятиемъ было наблюдение за тишиною и спокойствіемъ республики. Но потому она заведывала уголовными преступленіями, которые были совершены патриціями, духовенствомъ, и секретарями дома; ему же были подвѣдомы: преступленія уголовныя, совершенныя въ лагунахъ и на вербахъ, оскорбленія сдѣланныя мажоратами, театральныя дѣла, записки, иже касающіяся литературы и поэмы — печати. Такогообразно, меньшій совѣтъ, имѣя совѣтъ десяти, имѣлъ совѣтъ тридцати, имѣлъ сто; обширный и разнообразный кругъ обязанностей и при этомъ такую власть, что его сиречь можно считать строгимъ вѣдомъ республики. Это былъ редъ государственнаго тайнаго контроля надъ правительствомъ и администраціей сиречь. Въ немъ всегда было троє президентовъ. Когда совѣтъ получалъ какое-либо извѣщеніе, то одинъ изъ трехъ президентовъ собиралъ подробности, выслу-

никалъ свидѣтелей, дѣлалъ допросы; однимъ словомъ производилъ слѣдствіе, подвергая аресту при этомъ тѣхъ лицъ, которыхъ считалъ нужнымъ. Во всемъ увѣнчанъ онъ давалъ отчетъ двумъ другимъ своимъ товарищамъ, и уже они въ три-четыре рѣшали, должно-ли вносить начатое дѣло на разсмотрѣніе всего совѣта, или нѣтъ. Если не считали нужнымъ дѣлать дѣлу дальнѣйшій ходъ, то оно прекращалось безъ всякихъ послѣдствій; въ противномъ случаѣ трое президентовъ дѣлались обвинителями, не переставая быть и судьями. Преступникъ, во все время суда, не имѣлъ ни защитника, ни сношеній съ другими людьми, хотя бы самыми близкими. Осужденный былъ наказываемъ секретнымъ образомъ; но и наказанія были — или пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ, или смерть (обыкновенно кидали въ море); или

Государственная инквизиція по характеру своему имѣла большое сходство съ совѣтомъ меньшимъ; но была страшнѣе его по необычайной таинственности и быстротѣ, съ какою вела свои дѣла. Она состояла изъ семнадцати судей; трое изъ нихъ назывались государственными инквизиторами и выбирались: двое изъ совѣта меньшаго, и одинъ изъ совѣтниковъ дожа; выборы происходили въ меньшемъ совѣтѣ, но въ совершенной тайнѣ. Инквизиторы, выбранные изъ меньшаго совѣта и называвшіеся черными, отправляли свою должность въ теченіе года; а выбранный изъ совѣтниковъ дожа, и называвшійся краснымъ, — въ продолженіи лѣтъ восьми мѣсяцевъ. Инквизиторы въ своихъ засѣданіяхъ избегали всякой формальности; отъ нихъ требовалось лишь одинокіе во взглядѣ на дѣло. Кругъ дѣятельности ихъ былъ самый обширный; они могли требовать корреспонденцію отъ всѣхъ сановниковъ и служащихъ республики.

Но обыкновенныя дѣла по преступленіямъ рѣшались совѣтомъ сорока, члены котораго назначались большимъ совѣтомъ, и всегда изъ патриціевъ. Совѣтъ сорока состоялъ изъ четырехъ отдѣленій. Первое заведывало исключительно уголовными дѣлами; оно было самое древнее и принимало участіе въ управленіи. Всѣ члены его засѣдали въ сенатѣ, а трое президентовъ въ совѣтѣ дожа. Этому отдѣленію принадлежало право верховнаго суда; — право милости и помилованія; замѣчательно, что право милости никогда не имѣло примѣненія на практикѣ. Три остальныхъ отдѣленія занимались только дѣлами гражданскими — одно отдѣленіе въ

самой столицѣ, а два другія въ провинціяхъ. Совѣтъ сорока избирался на одинъ годъ.

Совѣтъ дожа, или синьорія, состоялъ изъ трехъ президентовъ уголовного отдѣленія совѣта сорока и шести членовъ, выбранныхъ по одному отъ шести кварталовъ Венеціи. Последніе назначались въ большемъ совѣтѣ, и на 8 мѣсяцевъ, а трое первыхъ членами своего отдѣленія и только на два мѣсяца. Засѣданія происходили подъ предсѣдательствомъ дожа, а если онъ былъ въ отсутствіи, то при сенатѣ, или въ большемъ совѣтѣ. Эти совѣтники дожа пользовались въ сущности всею властію правительственною, оставивъ дожу одно имя. Они читали всѣ бумаги, присланныя на его имя, даже въ его отсутствіе, между тѣмъ какъ онъ послѣдняго не могъ дѣлать. Два раза въ недѣлю они объявляли народу о состояніи дѣлъ, въ остальное же время они постоянно находились во дворцѣ. Въ отсутствіе дожа и когда тотъ самъ представлялъ вакансію, они исправляли обязанности самого дожа. Къ этимъ членамъ присоединяли еще шестнадцать „мудрыхъ“, избравшихся сенаторомъ. Но въ этомъ видѣ совѣтъ дожа назывался Коллегіею. Чтобы имѣть право на избраніе въ коллегію, должно было при патриціанскомъ происхожденіи имѣть по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ отъ роду. На обязанности совѣта дожа лежало, между прочимъ, составленіе проектовъ, которые отсюда передавались на разсмотрѣніе сената, и потомъ уже получали окончательную санкцію въ большемъ совѣтѣ.— Чтобы закончить очеркъ венеціанскихъ учреждений, скажемъ нѣсколько словъ о прокураторѣ св. Марка. Онъ избирался также изъ патриціевъ, и главною его обязанностію было пеочисъ о благосостояніи и имуществѣ церкви св. Марка, которая была государственной святынею Венеціи. Но къ этому послѣ присоединили попеченія о вдовахъ и сиротахъ, изслѣдованіе правильности записей, такъ что въ его рукахъ сосредоточились всѣ дѣла по вопросу объ опекахъ и наслѣдствѣ. Было время, когда прокураторъ св. Марка по двумъ послѣднимъ вопросамъ имѣлъ значеніе легальное для цѣлой Италіи; со всѣхъ мѣстъ онъ присылались къ нему документы для засвидѣтельствованія.

Все населеніе Венеціи раздѣлялось на три сословія,— патриціевъ, горожанъ и народъ. Такое дѣленіе было еще остаткомъ римскаго владычества, римскихъ порядковъ. Патриціи считали себя самымъ древнимъ сословіемъ, и возводи-

ли свой родъ къ первымъ поселенцамъ, пришедшимъ изъ Падуй на Ріальто. Весь патриціатъ Венеціи раздѣлялся на нѣсколько классовъ. Къ первому классу относились потомки первыхъ правителей республики и тѣхъ 12-ти трибуновъ, которые избрали перваго дожа; такихъ 22 фамиліи, изъ которыхъ выбирались всѣ дожи. Ко второму классу принадлежать тѣ, предки которыхъ участвовали въ собраніяхъ большаго совѣта, до его окончательнаго преобразованія въ XIV вѣкѣ; такихъ фамилій до 60, и всѣ они дожескія, т. е. были избираемы въ дожи. Къ третьему классу 30 фамилій; вступившихъ въ патриціатъ послѣ XIV вѣка, за особенныя услуги отечеству; три фамиліи между ними давали дожей. Къ четвертому классу принадлежать всѣ, вышедшіе изъ дворянскаго сословія съ острова Кандіи, изъ провинцій и др. мѣстъ, т. е. иностранное дворянство, принявшее венеціанское подданство. Къ этому классу принадлежалъ дожъ Венеціи Людовико Маньини,—первый и послѣдній примѣръ избранія изъ этого четвертаго рода. Торговля была запрещена для венеціанскаго патриціата, которая должна была посвящать себя исключительно государственной службѣ. Большой и меньшій совѣты, сенатъ, синьорія, совѣтъ сорова, государственная инквизиція—все это наполнялось исключительно одними патриціями; они занимали всѣ должностныя мѣста въ столицѣ; въ ихъ рукахъ находилась администрація провинцій и колоній; ими же наполнялись офицерскія должности на флотѣ и въ войскахъ; на нихъ, наконецъ, возлагались званія посланниковъ. Вообще, все, съ чѣмъ бы ни соединялось понятіе о власти, начальства, все это принадлежало патриціямъ.—Къ сословію горожанъ принадлежали тѣ изъ жителей, которые имѣли право заниматься правовѣденіемъ, медициной и тремя видами торговли: шелковыми и шерстяными матеріями и произведеніями хрустальныхъ заводовъ Мурано. Чтобы поступить въ это сословіе, нужно было или прослужить опредѣленное число лѣтъ въ конницѣ, или отъ правлять должности механика въ теченіе двухъ поколѣній. Граждане въ государственной службѣ могли занимать только однѣ канцелярскія должности, какъ-то: секретарей совѣтовъ, дожескихъ нотаріевъ и т. п., они могли присутствовать въ засѣданіяхъ совѣтовъ, но молча, безъ права какой-бы-то ни было подачи голосовъ.—Всѣ же остальные жители, которые не принадлежали къ этимъ двумъ сословіямъ, составляли

третій классъ населенія, народъ (prole). Онъ вмѣщалъ въ себя самыхъ богатыхъ торговцевъ, низшее духовенство, почти всѣхъ, занимавшихся профессіями свободными отъ налоговъ, художниковъ, и, наконецъ, лицъ рабскаго состоянія и пролетаріевъ. Это сословіе не имѣло никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ,—ни въ правленіи, ни въ администраціи, ни въ судахъ, и даже не было допускаемо къ канцелярскимъ должностямъ. Въ одномъ только случаѣ они подавали свой голосъ и непремѣнно утвердительный, когда имъ показывали нововзбраннаго дожа, съ слѣдующими словами: «вотъ вамъ дожъ, если вамъ угодно».

Для насъ нѣтъ надобности прибавлять къ этому очерку что-нибудь изъ различныхъ и многочисленныхъ подробностей касательно конституціи, администраціи, чиновниковъ республики и т. п. Для нашей цѣли это необходимо настолько, насколько можетъ объяснить внутреннее устройство Дубровника,—въ которому мы и переходимъ.

Первоначальное ядро населенія въ Дубровникѣ было такое же, какъ и въ Венеціи. Уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нашей эры, еще во времена республики, изъ Рима стали выселяться цѣлыя колоніи на берега нынѣшней Далмаціи. Такими же колоніями были Салона и Епидавръ. Авторъ сочиненія „о войнѣ Александрійской“, написаннаго до Р. Х., говоритъ, что Салону населяли самые мужественные и твердые изъ римскихъ гражданъ. Осталось нѣсколько древнихъ надписей, въ которыхъ Салона прямо называется колоніей римской. Такое же точно свидѣтельство о Салонѣ сохранилось на монетѣ отъ временъ Клавдія (Pugnum Sacrum; 1,285). Нужно замѣтить, что эту далматскую Салону не слѣдуетъ смѣшивать съ тремя другими: съ Салоной Галльской, не далеко отъ Марсея, съ Солоной Маломакедонской, что иначе называлась Виеиніей, и съ Салоной Македонской (или Тессалоника); эту послѣднюю и далматскую смѣшалъ Сарафимъ Черва и за нимъ г. Макушевъ (нѣслѣд. объ истор. дам. стр. 1, прим. 1). Тоже должно сказать и объ Епидаврѣ. Городовъ съ такимъ названіемъ было три: одинъ находился въ Пелопоннесѣ при заливѣ Арголидскомъ, въ Лаконіи; другой въ Арголидѣ при заливѣ Сароническомъ и былъ замѣчательнъ храмомъ Эскулапа; третій—въ Далмаціи. Этотъ послѣдній многіе, въ томъ числѣ и оба вышепечисленные писатели (ibid.), смѣшиваютъ съ Эпидамномъ въ Эпи-

ръ, который есть ничто иное, какъ, нѣмѣннѣй Диракко (слов. Драчъ), а прежде Диррахій, или Эпидамнъ, о чемъ ясно говорятъ Аппіанъ въ книгѣ „о гражданской войнѣ“ и Страбонъ въ Географіи, равно какъ и упомянутыя надписи (Илуг. Sacr. VII, 335—337). Далматскій Епидавръ былъ такою же римскою колоніей. Въ развалинахъ его, которыя лежатъ по берегу верстъ на десять южнѣе нынѣшняго Дубровника, находятъ много надписей, свидѣтельствующихъ о его римскомъ происхожденіи (Илуг. Sacr. I, 149). Римское происхожденіе какъ Епидавра и Салоны, такъ и другихъ далматскихъ городов,—было такъ ясно и несомнѣнно, что императоръ Нинфюръ, по договору въ 810 г. съ Карломъ Великимъ, оставилъ ихъ за собою, именно, вълѣдствіе ихъ римскаго происхожденія и населенія, а Константинъ Порфирогенитъ прямо писалъ, что жители этихъ городов называютъ себя римлянами потому, что переселились сюда изъ Рима (De adm. imp. С. XXIX, 128, t. III). Когда въ половинѣ VII вѣка славяне и авары разрушили Салону и Епидавръ, равно какъ и другіе города, то жители первыхъ двухъ, избѣгая рабства и смерти, укрылись на скалѣ, гдѣ теперь Дубровникъ. Константинъ Багрянородный даже перечисляетъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ изъ первыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ, Дубровникъ своимъ происхожденіемъ и первымъ населеніемъ обязанъ римлянамъ. Устройство городовъ восточной имперіи, которой въ VII в. была подвластна Далмація, оставалось и по законодательству и на практикѣ часто римскимъ. Поэтому и Дубровникъ необходимо долженъ былъ усвоить себѣ внутренній строй римскихъ муниципій, ибо этого требовала какъ преемство традицій, такъ и дѣйствующее право. Хотя объ этомъ и вътъ древнихъ свидѣтельствъ, современныхъ основанію города, но оно тѣмъ не менѣе несомнѣнно; какъ только памятники начинаютъ говорить о Дубровникѣ, то всегда представляютъ его муниципіей.

Но уже очень рано, съ VIII столѣтія, въ него проникаетъ славянство. Съ 638 года еще всѣ окрестности были уже заняты славянами; къ концу же столѣтія они, по всей вѣроятности, стали проникать и въ городъ. Но дубровникскія лѣтописи помнятъ только, что въ 717 г. по смерти трѣбиньскаго бана Павлимѣра, который отстроилъ и укрѣпилъ городъ, сторонники его поселяются въ Дубровникѣ (vergue

Melittii. Illug. Sacr. VI, 18). Допустимъ даже, что этотъ рассказъ содержитъ въ себѣ много баснословнаго, однакожь онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что уже очень рано славянская стихія стала распространяться въ городѣ. Теперь вопросъ въ томъ, какое мѣсто отводилось славянамъ въ дубровницкой общинѣ? Изъ аристократическихъ фамилій въ древнихъ памятникахъ очень немного встрѣчается славянскихъ названій, а по большей части латинскія и итальянскія. По дубровницкимъ лѣтописямъ, въ Венецію 997 г. былъ посылаемъ, въ числѣ другихъ, и нѣкто Добрана Рыбица. Поэтому нужно думать, что изъ славянъ тѣ, которые у своихъ носили званіе виеза, были причисляемы въ аристократію, всѣ же прочіе поступали въ разрядъ низшихъ сословій. Въ такомъ случаѣ можно примирить и противорѣчивія показанія двухъ памятниковъ: Вильгельма Тирскаго, приводимаго Бандури (*Const. Porphyg. de adm. imp. III, 336*) и Лукарича (*Ann. di Rag. 15*); по первому въ XII в. въ Дубровникѣ были одни римляне и говорили по-латини, а по второму — уже въ X в. этотъ городъ ославянился и славянский языкъ былъ господствующимъ. Очевидно, что Вильгельмъ Тирскій, одинъ изъ спутниковъ Ричарда Львиное — сердце, видѣлъ одну аристократію, гордую своимъ римскимъ происхожденіемъ и упорно сохранявшую свой языкъ; другой же говоритъ о низшихъ сословіяхъ, на самомъ дѣлѣ образовавшихся изъ славянъ, положившихъ остатки римскихъ *urbanoium*, и потому употреблявшихъ славянский языкъ.

Кажется, что вслѣдствіе смѣшаннаго населенія, въ которомъ масса была на сторонѣ славянства, римское муниципальное устройство въ Дубровникѣ должно бы сильно пострадать. Такъ обыкновенно и думаютъ многіе, напр. г. Майковъ (ист. серб. яз. 156), основываясь на Лучичѣ, и г. Макушевъ (изслѣд. стр. 5). Но этого не случилось, и спасительницей была Венеція. Хотя Дубровникъ съ ней враждовалъ, но по всей вѣроятности это относится къ низшимъ классамъ, но что указываютъ много разъ упоминаемые союзы съ Неретвянами, славянскимъ племенемъ. При недостаткѣ памятниковъ, мы ограничимся лишь предположеніемъ, что въ Дубровникѣ, какъ и въ другихъ городахъ, очень рано началась борьба аристократіи съ демократіей; объ этомъ можно догадываться изъ той непримиримой ненависти, какую римскіе аристократы Дубровника питали къ славянскому

языку и православной вѣрѣ съ самыхъ раннихъ поръ (Мак. Исслѣд. 5—7). Вѣроятно также, что во время борьбы демократія опиралась на своихъ сосѣдей славянъ, аристократія же на Венецію; мы уже видѣли, что далматскіе города (надо разумѣть: аристократія) призвали дожа въ 998 г. и подчинились ему, въ томъ числѣ и Дубровникъ: но это служитъ только подтвержденіемъ нашего предположенія. Мы видѣли, что города обратились къ Венеціи тогда, когда были очень стѣснены сосѣднимъ хорватскимъ княземъ, и не имѣли защиты отъ Византіи. Едва-ли нельзя видѣть въ этомъ одинъ изъ эпизодовъ распри демократовъ съ аристократами, изъ которыхъ первые, утѣсненные вторыми, призвали хорватскаго князя. Что же оставалось вторымъ? Въ Византіи они и въ самомъ дѣлѣ не могли найти себѣ помощи, какъ потому, что Византія въ то время была занята борьбой съ булгарами, такъ и потому, что абсолютныя монархіи не благопріятствуютъ развитію аристократіи. Въ Венеціи, напротивъ, аристократія господствовала: туда и обратились. Какъ-бы-то-ни-было, до X в. аристократія въ Дубровникѣ удержалась, а съ этого времени ее поддерживала Венеція.

Такъ какъ Венеція получила въ X в. Далмацію въ ленъ, то понятно, что она и не могла дѣятельно относиться въ внутреннему строю Дубровника, пока онъ самъ не подалъ ей къ тому повода. Въ 1122 году дубровничане просили у Венеціи такихъ людей, которые научили бы ихъ веденію государственныхъ дѣлъ. Желаніе ихъ было исполнено; въ теченіе 30 лѣтъ Дубровникъ былъ преобразованъ, сообразно устройству тогдашней Венеціи. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 1171 г. Венеція дѣлается полною владычицею Дубровника а по статутамъ венеціанскимъ требуется, чтобы порядокъ митрополіи былъ обязателенъ для подвластныхъ городовъ. Теперь и правленіе, и администрація, суды и законодательство перешли въ руки Венеціи. Въ 1242 г. для Венеціи были изданы статуты дожемъ Джакомо Тіеполо, а тридцать лѣтъ спустя эти же статуты примѣнены были и для Дубровника. Вотъ его заглавіе: *Liber statutorum civitatis Rhacusii, compositus per egregium virum D - um Marcum Justinianum de Venetiis honorabilem Comitem Rhacusii a. D. 1272, ind. XV mensis Maji confirmatus per populum Rhacusinum, more solito congregatum die Dominico, nono ejusdem mensis* (Мак. Исслѣд. 149—150). Последнія хвастливыя сло-

на, напоминаютъ подобно же утверждение дома народомъ венеціанскимъ. По этому статуту венеціанскій строй навсегда узаконенъ и утвержденъ въ Дубровникѣ.

Сообразно образцу, который представляла Венеція, въ Дубровникѣ были также три сословія: патриціи, они же князья, бояре и вѣстели; горожане, или граждане, *popolani, citadini*, и наконецъ люди, поселяне, *villani, artifices*.

Сословіе патриціевъ въ Дубровникѣ было не многочисленно, что зависѣло отъ двухъ причинъ: 1) объединенія фамилій вѣстелей отъ теченіемъ времени входили въ составъ средняго сословія (Майк. 159) и 2) пополненіе его другими сословіями, т. е. доступъ патриціату со стороны средняго сословія, былъ очень труденъ, и сдѣлался свободнымъ только въ концѣ существованія республики (Майк. стр. 43). По словамъ Раци, въ его время въ Дубровникѣ было всего 29 вѣстельскихъ фамилій: (ibid. 36). Хотя на то нѣтъ положительныхъ данныхъ, однакожь съ достовѣрностію можно предполагать, что дубровницкое сословіе патриціевъ, также имѣло шестопольныя степеней какъ и въ Венеціи. Въ грамотахъ 1232—1252 г., фамиліи nobiliter слѣдуетъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ, т. е. сначала фамиліи итальянскія, потомъ славянскія и при томъ прежде *judices*, и за ними *consiliarii*. Въ договорѣ 1232 года читаемъ: *Nos judices Rhacusii civitatis: Johannes Gundate, Gervasius Marini, Andreas Dabragane, Matheus Bobatie, Babanna Petri, et nos consiliarii: Damianus Bocinoli, Balatia Gervasii, Petrus Bollislave, Thomas Pezame, Johannes Lampri*. Также въ договорѣ 1236 года: *Nos judices: Ragdanus Goyslavi, Nicolaus Maurus, Gervasius Marini, Petrus Ballislave, et nos consiliarii: Grubessa Gundul, Martinusius Gervasii... quondam coitis, Clemens Sersii, Paulus Damiani Bocinuli, Micha Petri Malussi, Andreas Domane Rarame* (Rad. V; 113, 117). Такой порядокъ въ разстановкѣ именъ и въ другихъ документахъ. Фамилія Гундулы или Гундулица всегда занимаетъ первое мѣсто, — стоитъ ли она въ ряду судей, или совѣтниковъ. Далѣе за нею слѣдуетъ еще нѣсколько фамилій латинскихъ; потомъ упоминаются славянскія, и въ концѣ означаются фамиліи, по всей вѣроятности, переселившіяся изъ другихъ городовъ, напр. Томашъ Паване. Намъ кажется, хотя мы и не имѣемъ, какъ упомянули выше, на это достаточныхъ данныхъ, что собственно дубровницкіе вѣстели составляли три класса: въ первомъ классу отнесенные потомки первыхъ, поселившихся въ Дубровникѣ, римскихъ

патриціевъ; во второму принадлежали тѣ фамиліи, которыя переселились въ Дубровникъ изъ другихъ римскихъ городовъ въ періодъ времени съ половины VII в., т. е. съ основанія города, и до XI в., до подчиненія Венеціи; къ третьему классу причислялись славянскіе княжескіе роды. Что же касается до четвертаго класса, то онъ наполнялся причислявшимися въ Дубровнику патриціанскими родами изъ итальянскихъ, дилматскихъ и другихъ городовъ съ XI в. Венеціанскіе роды принимаемы были въ Дубровникъ не ниже втораго класса и, можетъ быть, въ первый: мы видѣли, что Мартинувій Гервасіо, сынъ бывшаго графа, поставленъ вслѣдъ за Грубишей Гундулой, на второмъ мѣстѣ; но его должно считать венеціанцемъ, потому что съ 1205 по 1237 г. въ Дубровникѣ не было своихъ графовъ. Какъ въ Венеціи, такъ и здѣсь внастѣли отличались отъ другихъ сословій даже костюмомъ. Права и обязанности ихъ были тѣже самыя, что и у венеціанскихъ патриціевъ: они занимали всѣ высшія и важнѣйшія государственныя должности; они и шліи, и родились для управленія другими; всѣ пути къ славѣ были для нихъ открыты. Но въ Дубровникѣ, кромѣ того, внастѣли могли строить фабрики, посылать корабли въ разныя моря (Майя: 1589). Бѣдность, государственная нужба, женитьба на горожанѣ вели къ лишенію внастѣльскаго званія.

Сословіе горожанъ было, конечно, также древне; какъ и внастѣльное, и было одинаковаго происхожденія съ горожанами Венеціи. Всѣ горожане Дубровника собирались въ цѣхи и братства, значить раздѣлялись на отдѣльныя корпораціи. Они могли имѣть свои особыя совѣщанія, но въ правленіи не принимали никакого участія. Изъ должностей ихъ, какъ и въ Венеціи, были доступны однѣ канцелярскія, которыя въ Дубровникѣ назывались скрибами, *Scribae*. Они даже не имѣли непосредственнаго сношенія съ правительствомъ, но выбирали отъ себя на этотъ случай особыя представители; которые назывались *procuratores universitatis*, *procuratori del popoli*, порци градьци (*primores*). Граждане имѣли право владѣть землею, а торговля и ремесла были ихъ почти исключительною принадлежностію; они пользовались личною независимостію; какъ и внастѣли, носили оружіе, содержали городскую стражу, исправляли различныя общественныя работы и платили подати. Для пополненія состава этого сословія было много источниковъ: лишеніе дворян-

ства, отпущеніе на волю крѣпостныхъ людей и т. п. Но за важныя государственныя услуги изъ этого сословія можно было переходить въ составъ вѣстельскаго, хотя это постановленіе до 1667 г. едва ли имѣло приложеніе на дѣлѣ; только послѣ этаго года, когда во время землетрясенія погибло много патриціевъ, возвышеніе горожанъ въ патриціи стало свободнѣе. Науки и искусства для горожанъ не были недоступны. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются даже поѣты изъ этого сословія.

Третье сословіе поселянъ, или земледѣльцевъ, было во многомъ отлично отъ венеціанскаго, вслѣдствіе естественныхъ условій. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно напоминало свой первообразъ, даже носило названіе *artifices* и состояло изъ промышлявшихъ такими занятіями, съ которыхъ не взимались пошлыны, и изъ пролетаріевъ; но адѣсь сроднаго съ Венеціей было немного. Вся громада третьяго сословія образовалась вслѣдствіе разныхъ слѣлокъ Дубровника съ королями Сербіи и Босніи, вслѣдствіе которыхъ къ нему отошло нѣсколько славянскихъ округовъ. Вмѣстѣ съ округами отошло къ нему и населеніе ихъ со всѣмъ заведеніемъ. Всѣ такіе люди вообще считались подданными Дубровника, оставаясь на своей землѣ. Они занимали въ Дубровникѣ такое же положеніе, какое принадлежало крестьянамъ свободнымъ въ Сербіи. Но отъ нихъ должно отличать еще крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ землѣ (*glebae adscripti*), и людей называвшихся просто поселянами, — пользовавшихся личною свободою, но лишенныхъ земли. Эти послѣдніе брали землю у вѣстеля на горожанъ подъ условіемъ отбыванія въ его пользу нѣкоторыхъ повинностей.

Что же касается до государственнаго устройства, разныхъ нравственныхъ, административныхъ и судебныхъ учреждений, до высшихъ сановниковъ республики, то они были перенесены въ Дубровникъ въ такомъ видѣ, какъ въ тотъ моментъ они состояли въ Венеціи.

Первымъ сановникомъ въ Дубровникѣ, какъ уже было неоднократно указано, былъ графъ, какъ въ Венеціи дожъ. Графъ совѣвалъ и распускалъ совѣты, хранилъ государственную печать, вѣлчилъ городскіе, производилъ судъ. Хотя доми потеряли свою власть во второй половинѣ XIII вѣка, и значеніе ихъ упало, но графы въ Дубровникѣ продолжали пользоваться

ся своею властію, въ качествѣ намѣстниковъ Венеціи. Когда съ 1358 г. Дубровникъ отошелъ въ Венгрію, то вмѣсто чуждыхъ графовъ, сталъ избирать изъ своихъ сенаторовъ ректора, который уже не пользовался никакою властію и былъ лишь президентомъ въ совѣтахъ, съ правомъ одного голоса.

Вторымъ сановникамъ считался хранитель имущества Св. Маріи (*Procurator di sancta Maria*, онъ же *Praefectus, aegarii*), тоже что прокураторъ Св. Марка. Права и обязанности были также одинаковы. Послѣ венеціанскаго владычества этихъ хранителей избиралось до 5; но здѣсь и права ихъ разширились, они стали государственными казначеями.

Средоточіемъ правительственной власти въ Дубровникѣ было Большое Вѣче, какъ оно называется въ славянскихъ памятникахъ, или *Consilium Majus* по латинскимъ документамъ. По извѣстію Лукарича, Большое вѣче состояло изъ 100 и болѣе, даже иногда изъ 250 членовъ. Опредѣленнаго числа не было, потому что оно всегда состояло только изъ наличнаго числа совершеннолѣтнихъ владетелей. Засѣданія его совершались по воскресеньямъ, по звону колокола и подъ предсѣдательствомъ графа или ректора. Во времена венеціанскаго господства вѣче собиралось болѣе для формы и дѣятельность его была незначительна. Но послѣ оно вступило во всѣ свои права; оно издавало законы, смѣняло и утверждало сенаторовъ, назначало чиновниковъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, было верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ; безъ его утвержденія никакое правительственное, административное и судебное дѣйствіе не имѣло силы. Чтобы могло состояться его засѣданіе, требовалось, чтобы въ немъ участвовало не мѣнѣе двухъ третей наличнаго числа. Такъ нѣкоторыя грамматы были подписаны 70 и 72 членами отъ Большаго вѣча. Засѣданія вѣча всегда сопровождались особаго рода церемоніями.

Сенатъ послѣ Большаго вѣча былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ Дубровника. По венеціанскому образцу сенаторы выбирались изъ Большаго вѣча и назывались—въ славянскихъ грамматахъ умоленные отъ вѣча, а въ дубровникскихъ *Senato de Padri*, или *Consiglio dei pregadi*, въ латинскихъ же *consilium rogatorum*. Число ихъ сначала не превышало 20, а потомъ возрастало постепенно и въ послѣдніе годы существованія республики простиралось до 60. Всѣ члены сената избирались изъ Большаго вѣча и имъ же; засѣда-

ни происходили подъ председательствомъ графа, а потомъ ректора, четыре раза въ недѣлю. Въ его рукахъ находилась вся распорядительная и исполнительная власть; но онъ ничего не могъ дѣлать безъ разрѣшенія Большаго вѣча и отдавалъ ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

Одиннадцать человѣкъ сенаторовъ съ графомъ, или ректоромъ въ главѣ, составляли *consilium minus*, *consiglio minore*, Малое вѣче. Они находились постоянно при ректорѣ, такъ что послѣдній безъ нихъ не могъ сдѣлать шагу изъ своего дворца. Венеціанскіе графы, само собою понятно, не были въ такой зависимости отъ Малаго вѣча; которые для нихъ составляли скорѣе приличную свиту, чѣмъ имѣли дѣйствительное значеніе. Одинъ изъ Малаго вѣча всегда обязанъ былъ представлять собою лицо ректора, если онъ самъ не могъ явиться по чему-либо. Въ этомъ случаѣ вѣчникъ надѣвалъ обыкновенно ректорское облаченіе (Рація у Мав. 37). Но кромѣ этихъ внѣшнихъ отличій Малое вѣче, по кругу своихъ обязанностей, обмѣновенно, сближается съ совѣтомъ десяти въ Венеціи.

Въ устройствѣ судебной части было сдѣлано отступленіе отъ венеціанскихъ порядковъ. Оно и понятно. Совѣтъ сорока завѣдывалъ и судами провинцій; для Дубровника не было надобности учреждать особую высшую судебную инстанцію, которая уже имѣлась. По этому въ Венеціи за благо разсудили учредить для Дубровника одни только низшія инстанціи суда. Съ точки зрѣнія государственныхъ соображеній это было и справедливо и полезно. Такимъ образомъ, въ Дубровникѣ ограничились по судебной части только тѣмъ, что ежегодно назначали отъ четырехъ до пяти человѣкъ судей; одна часть которыхъ рѣшала уголовныя преступленія, а другіе были подсудны гражданскіе иски. Съ прекращеніемъ венеціанскаго владычества, высшей судебной инстанціей сталъ сенатъ; низшія же остались по прежнему. — Еще одна особенность судебного строя въ Дубровникѣ. Мы уже знаемъ, что большинство населенія въ немъ составляли славяне, никогда не прекращавшіе связей съ своими родичами въ Босніи и Сербіи и сосѣдями. При судѣ надъ славянами Дубровникъ не могъ допустить соблюденія нѣкоторыхъ славянскихъ обычаевъ. Особенно этому способствовали много договоровъ, заключенные Дубровникомъ съ сосѣдними славянскими владѣтелями. Въ такихъ договорахъ князья всегда стави-

ли однимъ изъ важнѣйшихъ условій судъ надъ ихъ подданными въ Дубровникѣ и его округѣ по славянскимъ обычаямъ, а разбирательство пограничныхъ ссоръ мѣстнымъ судомъ. Отсюда въ Дубровникѣ распространились нѣкоторыя городскія учрежденія славянъ и введены были славянскія судебныя должности. Но все это было для однихъ славянъ и по преимуществу для тѣхъ, которые жили въ округѣ и на границахъ. Только въ такихъ именно предѣлахъ можно допустить присяжный судъ въ Дубровникѣ, о чемъ говоритъ г. Майковъ (111—114), потому что, по яснымъ и точнымъ словамъ Рацци, суда присяжныхъ—какъ общаго государственнаго учрежденія—въ Дубровникѣ никогда не было (*Stor. di Rag. libr. III; Макуш. 37*).

Венеціанской синьоріи въ Дубровникѣ соотвѣтствовала курія. Въ періодъ владычества Венеціи ея существованіе для Дубровника доказывается многими документами, что было показано въ своемъ мѣстѣ. Но что стало съ нею съ отходомъ его къ Венгріи, неизвѣстно; достовѣрно одно, что она болѣе существовала, какъ самостоятельное учрежденіе. Намъ думается, что въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія курія была соединена съ Малымъ вѣчемъ (*Consiglio minore*); основаніе для такого предположенія заключается въ томъ, что Малое вѣче, соотвѣтствуя Меньшему совѣту (совѣту десяти тоже) Венеціи, вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаетъ назначенію и синьоріи, находясь постоянно во дворцѣ ректора и участвуя съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. Нѣкоторые писатели, напр. г. Майковъ (168), нерѣдко смѣшивали даже Малое вѣче съ куріей; но возможность смѣшать ихъ хотя очевидна, но ея должно избѣгать.

Если бы наша цѣль требовала дальнѣйшаго сравненія внутренняго строя Венеціи и Дубровника, то мы могли бы доказать безъ труда, что Венеція, и послѣ прекращенія ея владычества, была для Дубровника постояннымъ образцомъ подражанія, простиравшагося даже до перениманія покрова платья для владетелей и чиновниковъ. Всѣ учрежденія, которыя появлялись въ Венеціи, тотчасъ же были пересаживаемы на дубровницкую почву, разумѣется, въ соотвѣтствующемъ объемѣ. Даже государственная инквизиція явилась въ видѣ *Reipublicae Provisorium* (*consiglio de' provveditori della repubblica*). Но разборъ подобныхъ учрежденій выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.—Общій выводъ, къ которому мы при-

хѣдимъ, тотъ, что Дубровникъ невозможно изучать безъ сравненія съ Венеціей и что искать въ немъ славянскихъ началъ, загибшихъ и издавна исчезнувшихъ, возможно, а дѣйствовавшихъ когда-либо послѣ и теперь вымирающихъ,—напрасный трудъ.

А. Небосклоновъ.

